

Материалы к лекции

УДК 165.0:82

DOI 10.25295/2541-7517-2023-21-4-109-153

Проблема регресса и критика фаундализма Рецензия на книгу: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I). *

Никита Владимирович Головко

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Институт философии и права Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Россия*

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Лоуренс Бонжур полагает, что фаундализм – это тупик. Анализу подвергаются буквально все возможные основания базовых убеждений: экстернализм, доктрина данного, априорное обоснование. Экстернализм, в котором основные факторы обоснования привязаны к причинным или номологическим по своей природе отношениям между субъектом и миром, не может преодолеть скептицизм и является основанием для принятия убеждения как базового только для тех, кто знает об этих отношениях. Непосредственное восприятие данного способно оказать эпистемическую поддержку, только если само знание будет сконструировано таким образом, чтобы эта поддержка была необходима. Апелляция к тому, что базовые убеждения, обоснованные априорно, могут остановить регресс эмпирического обоснования, не различает обоснование и гарантированность. Общий вывод неутешителен: не существует способа, которым базовые эмпирические убеждения были бы обоснованы без того, чтобы их обоснование не зависело бы от других эмпирических убеждений, которые в свою очередь сами требуют обоснования. Аргумент против существования базовых эмпирических убеждений и сопутствующая рецепция проблем обоснования эмпирического знания в русле классической эпистемологии (интернализм, реализм, корреспондентная теория истинности) – все еще лучшие образцы соответствующей философской рефлексии за последние сорок лет. Рецензия представляет собой детальный анализ первой части книги Л. Бонжура «Структура эмпирического знания» (главы 1–4), посвященной критике фаундализма.

* Статья представляет собой развернутый план и материалы для подготовки нескольких лекций по теме «Фаундализм» в рамках курса «Теория познания», читаемых в бакалавриате по направлению «Философия» в Институте философии и права Новосибирского государственного университета. Этим объясняется большой объем подстрочных комментариев, дополнительные материалы и перекос в сторону определений и примеров, которые необходимым образом расставляют акценты на содержании книги Л. Бонжура.

© Головко Н. В., 2023

Ключевые слова

интернализм, экстернализм, фаундализм, обоснование, мета-обоснование, эпистемический регресс, базовые убеждения, миф о данном, Л. Бонжур

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

Для цитирования

Головко Н. В. Проблема регресса и критика фаундализма. Рец. на кн.: BonJour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I) // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 4. С. 109–153. DOI 10.25295/2541-7517-2023-21-4-109-153

Regress Problem and the Critique of Empirical Foundationalism Book Review: BonJour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I).

Nikita V. Golovko

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

Laurence Bonjour believes that foundationalism is a dead end. Literally all possible reasons for basic beliefs have been analyzed – externalism, the doctrine of the given, and a priori justification. Externalism, where the basic factors of justification are tied up to the causal or nomological in nature relations between the subject and the world, cannot overcome skepticism and is the way for accepting belief as basic only for those who are aware of these relations. Direct apprehension of the given can provide epistemic support only if the knowledge itself is constructed in such a way that this support is necessary. The appeal to the fact that basic beliefs, justified a priori, can stop the regress of empirical justification does not pick out the difference between justification and warrant. The conclusion is not comforting: there is no way in which basic empirical beliefs could be justified without their justification being dependent on other empirical beliefs that themselves require justification. The argument against the existence of basic empirical beliefs and the accompanying reception of the problems of justification of empirical knowledge in a line with classical epistemology (internalism, realism, correspondence theory of truth) are still the best examples of a corresponding philosophical reflection over the past forty years. The review is a detailed analysis of the first part of L. Bonjour's book «The Structure of Empirical Knowledge» (chapters 1–4), dedicated to the criticism of foundationalism.

Keywords

internalism, externalism, foundationalism, justification, meta-justification, epistemic regress, basic beliefs, myth of the given, L. Bonjour

For citation

Golovko N. V. Regress Problem and the Critique of Empirical Foundationalism. Book Review: BonJour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I). *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 4, p. 109–153. (in Russian) DOI 10.25295/2541-7517-2023-21-4-109-153

В наше время каждый, кто напишет «знание – это истинное убеждение плюс обоснование», тут же попадает в разряд тех, с кем как будто бы уже все понятно. Нереальное количество работ «после Гетье», кажется, раскрывает все возможные варианты анализа проблемы определения знания и ее следствий. И мы даже не замечаем того, что это «после Гетье» на самом деле по большей части составляют работы, посвященные «новому» – совсем другому проекту, нежели тот, с которого все начиналось. Мы согласны с Марком Капланом, что «допущение, лежащее за попытками ответить Гетье, – собственно на то, что примеры Гетье показали, что исторически важное определение знания требует ревизии, – ошибочно» [Kaplan, 1985, p. 350], – ключевой конструктивный элемент эпистемологии самой по себе – все же не знание, а обоснование. Тем интереснее проследить за теми, кто не поддался конъюнктуре и сполна отдал дань уважения классике. Хотя в случае с Лоуренсом Бонжуром, возможно (это не так), будут правы те, кто вспомнит Томаса Куна и то, что сторонники старой парадигмы вымирают естественным путем. Во все времена существуют явно мейнстримные темы и все остальные, но и всем известные правила позиционирования своей точки зрения (или «интеллектуальной позиции») в более общем проблемном поле никто не отменял. В этом смысле крайне показательно приложение Б «Обзор когерентистских теорий», которое существует не просто ради того, чтобы было, потому что так принято реконструировать проблемное поле, анализируя работы предшественников и современников; это результат попытки выстроить и обозначить ту самую «предметную последовательность», в рамках которой Л. Бонжур может наглядно продемонстрировать свой «шахматный ход». Почему только Отто Нейрат и Карл Гемпель, работы которых «схематичны и вызывают разочарование, слабо раскрывая ответы на возражения против когерентизма» (с. 213), почему только Брэнд Бланшард, Кит Лере и Николас Решер? Потому что нужно обозначить когерентистские концепции, которые точно так же, по мнению автора, способны ответить на три обозначенных в концепции Л. Бонжура *главных затруднения*, с которыми сталкивается когерентизм, – возможность альтернативных систем убеждений; необходимость пополнения эмпирического содержания системы и связь когерентистского обоснования с истинностью как целью познания, – все это найденные Л. Бонжуром значимые затруднения в проблемном поле, преодоление которых и служит «основной эвристикой». Где Кларенс Льюис, Уилфрид Селларс или Уиллард Куайн, наконец, а также много других авторов, писавших о когерентизме до 1985 года, и о которых Л. Бонжур – гарвардский профессор – не мог не знать? Их нет (хотя, конечно, все они встречаются в тексте книги в ходе обсуждения различных частных вопросов), потому что Л. Бонжур пишет не просто о когерентизме, а делает это в конкретной «расстановке соперничающих позиций» в соответствии с «известными линиями противостояния», – обсуждая проблемы своей концепции эпистемического обоснования, которую он считает прямым наследием «классики», – интернализм, реализм, корреспондентная теория истинности. С точки зрения содержания книга Л. Бонжура – это современный трибьют той традиции, которая, возможно, уже не является доминирующей. Однако с точки зрения социологической рефлексии в первую очередь, судя по тому влиянию, которое «Структура эмпирического знания» Л. Бонжура уже сорок лет оказывает

на развитие сразу нескольких тематик и направлений (эпистемическое обоснование, интернализм, экстернализм, фаундализм, когерентизм, эмпирическое знание, восприятие, связь убеждений и реальности, и других), она по праву занимает «центральное положение в пространстве интеллектуального внимания», и именно поэтому, конечно же, является обязательной к прочтению.

Как всегда, причины особой популярности по-настоящему хорошей работы заключаются в недосказанностях автора, в нежелании критиков погрузиться (или хотя бы приблизиться) и посмотреть на проблемы глазами автора, а также в обманчивой интуиции здравого смысла, которая периодически подводит то автора, то критиков, когда речь заходит о нетривиальных теоретических конструкциях, например таких, как перцептуальное знание. В первую очередь это книга о структуре *эмпирического знания*. И интуиция подсказывает нам, что обоснование эмпирического знания, как и само эмпирическое знание, по своей природе может быть получено только как следствие обращения именно к принципиально холистической (когерентной) системе убеждений, в которой нет и не может быть достаточно жесткой границы между тем, что является обоснованным «по-настоящему», а что – нет. Само по себе представление о существовании такой «жесткой границы» – это всегда следствие исходных онтологических установок того или иного проекта, как, например, исключительность протокольных предложений или языка терминов наблюдения в логическом позитивизме. Это не то, что существует «от природы». В реальной жизни все гораздо прозаичнее. Представим себе обычную ситуацию: трамвай выехал на футбольное поле, и мы хотим понять причины. Есть много источников информации: опросить свидетелей и экспертов, довериться своим органам чувств (если вы свидетель), рациональному анализу и памяти и т.д. И допустим, мы можем сказать, что: (а) все источники информации условно независимы друг от друга; (б) мы не можем обещать, что информация, которую они предоставляют, абсолютно (это сам по себе вопрос) достоверна; (в) сам процесс сбора и анализа информации недостаточно (в зависимости от предъявляемых требований и возможностей) строгий. В такой ситуации естественно обратиться к когерентистской модели обоснования, – чем более согласованной, более устойчивой к появлению новых и ревизии старых данных получается «история», тем она более достоверна. Откройте прекрасную «Анализ знания и оценивания» Кларенса Льюиса, написанную еще за сорок лет до книги Л. Бонжура, в тот самый легендарный период, когда все параграфы нумеровались, и каждый уважающий себя автор сначала писал главу «Значение значения» и только потом главу «Значение “знания”» (именно так, знание в кавычках), – вот классический пример рассуждений в рамках когерентистской модели обоснования знания: «Каждый из свидетелей и не должен рассказывать одну и ту же историю, достаточно того, чтобы их истории были согласованы (accord). Взятые по отдельности, вклад каждой из этих историй в подтверждение исходной гипотезы может быть небольшой. Вероятность того, о чем сообщается, также может быть мала. Но именно согласованность (congruence) сообщений устанавливает высокую вероятность того, о чем говорят они все» [Lewis, 1946, p. 346]. На что Л. Бонжур отвечает: «Льюис упускает то, что никакая *предварительная* степень гарантированности (warrant) и надежности (credibility)

не требуются. Пока мы уверены, что сообщения каждого свидетеля независимы, достаточно высокая степень согласованности между ними будет говорить о том, что единственное объяснение согласованности их историй – гипотетическая истинность того, что они описывают. Даже если каждая история по отдельности скорее ложная, чем истинная» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 148). То же самое относится к информации, доступной нашему восприятию. Данные органов чувств предоставляют нам то, что описывает одно из центральных понятий концепции Л. Бонжура – *когнитивно спонтанные убеждения*. И именно высокая степень согласованности этих убеждений и делает достоверной картину нашего восприятия мира, даже если мы не уверены в том, насколько достоверной является информация, соотносимая с каждым из органов чувств: «Пока мы интерпретируем когнитивно спонтанные убеждения (*cognitively spontaneous beliefs*) как независимые друг от друга, согласованность (*agreement*) между ними будет вызывать надежность без необходимости говорить о высокой степени гарантированности каждой из них» (Там же). Это здравый смысл. Доверие к истории определяется тем, насколько хорошо каждая ее часть подкрепляет другие. И именно эта интуиция делает всю дискуссию о когерентизме фундаментально значимой. Вопрос о том, соответствует ли данное убеждение (история) положению дел, частично решается тем, насколько согласованно оно соотносится с другими убеждениями, статус которых в лучшем случае контингентен. Может показаться, что Л. Бонжур по-другому обосновывает значимость когерентизма. Когерентизм подается как закономерный ответ на затруднения фундализма. Но этот ход рассуждений будет работать, только если вы, например, отрицаете значимость скептицизма. Кто-то может сказать, что Л. Бонжур не прав, не рассматривая скептицизм в системе координат альтернативных эпистемических позиций. И на наш взгляд, причина этому – именно озвученная интуиция представления об эмпирическом знании и его обосновании, – оно должно иметь когерентистский характер. Скептическая позиция, несмотря на то что сейчас мы склонны считать ее равноправной частью общего эпистемологического дискурса обоснования знания, не рассматривается как итог обоснования именно эмпирического знания. Это важно. Основной модальной характеристикой эмпирического знания является его контингентность, а не скептический характер. И в этом смысле идея сделать акцент не на определении когерентности и ее признаках, а именно на объяснении механизма пополнения эмпирического содержания системы убеждений вследствие того, что «наша когнитивная система аффицируется внешней неконцептуализированной реальностью», – это часть выстраивания стратегии по преодолению скептицизма. Как следствие, понимание контингентности и обоснования эмпирического знания в терминах сохранения когерентности системы убеждений перед лицом добавления новых данных – это явный признак «перехода на новый уровень абстракции и рефлексии», признак глубины теоретического содержания концепции Л. Бонжура, который он удачно проинтерпретирует в ходе преодоления «трех главных затруднений» когерентизма.

Правильная трактовка содержания интуиции (не важно, говорим ли мы об иррациональном, математике или восприятии) в философской теории требует четкого понимания того, как именно интерпретируется интуиция, а так-

же – критической оценки условий, при которых это понимание является хорошим – корректным и с точки зрения выбранной теории, и с точки зрения любой другой. Наша задача состоит в том, чтобы сосредоточиться не только на том, что есть в книге Л. Бонжура (все равно не удастся схватить и осветить все), но главное, – в меру сил показать то, чего в ней нет. Нечто существует только в рамках теории, основания которой неплохо бы представлять хотя бы в общих чертах, а раз так, учитывая возможность других оснований и других теорий, анализ «изнутри» – это даже не полдела. Никто не сомневается в том, что книга (по многим причинам) в целом так и не достигла окончательно своей основной «внешней» цели, – построения лишенной значительных затруднений когерентистской концепции обоснования. И это нормально, поскольку одна из ключевых особенностей философского дискурса – необязательность окончательных ответов, гораздо важнее показать разнообразие возможных вариантов и подходов к решению поставленных проблем. Как отмечают критики, «книга Бонжура разочаровывает отсутствием деталей, касающихся понятия когерентность» [Swain, 1989, p. 116]. Сам Л. Бонжур отмечает, что его собственный анализ «крайне далек от того, чтобы считаться окончательным» (с. 101), а позже напишет: «Конкретная природа когерентности остается нерешенной проблемой. Понимание деталей, описывающих сравнительную когерентность, очень (*extremely*) сложно, поскольку, по крайней мере частично, оно зависит от понимания более тонких и все еще недостаточно адекватно понимаемых представлений, таких как индукция, подтверждение, вероятность, объяснение и различные сопутствующие аспекты логики» [Bonjour, 1999, p. 123]. Здесь можно снова вспомнить эпистемологию до и после Э. Гетье. Когерентизм, его определение и признаки, точно также как и определение знания, – это лишь часть дискурса, которая приобрела доминирующий статус (всем вдруг захотелось написать статью по контекстуализму, про сначала-знание, или в русле «*anti-luck epistemology*») в силу каких-то конкретных причин. Но подлинный предмет исследования – обоснование, т.е. механизм. Да, формально (и фактически) книжка Л. Бонжура про когерентизм, но смотреть надо не на определение когерентизма, а на сочетание основных тезисов – на то, как этот «механизм обоснования» описывается в терминах когнитивно спонтанных убеждений, «доксастического допущения», «эмпирического требования» и мета-обоснования.

Ниже мы остановимся на наиболее интересных, на наш взгляд, моментах первых четырех глав книги (первой части, озаглавленной как «Критика эмпирического фаундализма»), а также прокомментируем их с точки зрения более поздних (и, рискуем предположить, более полных, чем те, которыми пользовался Л. Бонжур в 1980-х) представлений о предмете эпистемологии с целью подчеркнуть значимость книги Л. Бонжура. Как и любой хороший учебник, книга начинается с «расчистки поля» – с устранения самых расхожих клише, связанных с понятием эпистемического обоснования, противопоставлением интернализма и экстернализма, фаундализма и когерентизма, пониманием соотношения системы убеждений субъекта и внешнего мира и т.д., и наверняка она запомнится многим именно этим. Л. Бонжур явно обладает литературным талантом. В то же время нельзя сказать, что это поворотный пункт в «долговременной траектории мышления». Это не «Теория знания» Родрика Чизолма и не «Убеждение, истина и знание» Дэвида

Армстронга, – Л. Бонжур напишет ее слишком поздно. Однако акцент на «болезненных точках» – анализ эпистемического регресса и проблем фундализма, а также предпринятая попытка «идейного синтеза» – решение проблемы пополнения эмпирического содержания системы и концепция мета-обоснования, – все это слабые стороны успеха, которые делают книгу Л. Бонжура интересной даже сейчас, в том числе как образец выстраивания позиции на пересечении «линий противостояния», которые на момент написания книги еще даже не были должным образом осознаны. С педагогической точки зрения, с точки зрения охвата и понимания многообразия всей проблематики эпистемического обоснования знания, с точки зрения понимания того, как должно быть реконструировано проблемное поле и приведены эвристики, книга Л. Бонжура – это все еще лучший учебник по обоснованию эмпирического знания.

Предварительные замечания

Книга начинается с интересной цитаты из «Критики чистого разума» (раздел «О мнении, знании и вере», с. 481 по изданию 1994 года; отрывок A822.25 по изданию Н.В. Мотрошиловой)¹. В нем подчеркивается, что «мнение» должно быть

¹ Совершенно неожиданно эта цитата оказалась примером, ярко демонстрирующим изнаночную, темную сторону истории философии. Сравните фразы из абзаца, предшествующего приведенной цитате И. Канта: «Belief is subjectively sufficient, but is recognized as being objectively insufficient», перевод Дж. Мэйклдждона 1855 года (спасибо Проекту Гутенберг), и «Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется верой» по изданию 1994 года. Это одни и те же строчки, которые по идее должны иметь один и тот же смысл. Откуда в русском переводе появляется «истинность»? Как вообще следует понимать «субъективную истинность» применительно к убеждению? Откуда вообще появляется «вера», если абзац в целом посвящен различению, как мы бы сейчас сказали, «эпистемических статусов»? Вот первая строчка абзаца: «Holding for true, or the subjective validity of a judgement in relation to conviction (which is, at the same time, objectively valid), has the three following degrees: opinion, belief, and knowledge». Памятуя о том, что переводы могут быть разные, мы постарались посмотреть другие переводы интересующей нас строчки, которые можно встретить в сети: Н. Кэмп Смита 1929 года: «If our holding of the judgment be only subjectively sufficient, and is at the same time taken as being objectively insufficient, we have what is termed believing», В. Плухара 1996 года: «If the assent is sufficient only subjectively and is at the same time regarded as objectively insufficient, then it is called faith», П. Гайера и А. Вуда 1998 года: «If taking something to be true is only subjectively sufficient and is at the same time held to be objectively insufficient, then it is called believing», М. Вейгельта 2007 года, основанный на переводе М. Мюллера 1881 года: «If our holding true is sufficient only subjectively but is held to be insufficient objectively, it is called believing». Наконец, если открыть билингвальное издание Н.В. Мотрошиловой, Т.Б. Длугач, Б. Тушлинга и У. Фогелема 2006 года, то по второму изданию «Критики» 1787 года указывается: «Ist das letztere nur subjektiv zureichend und wird zugleich für objektiv unzureichend gehalten, so heißt es Glauben», приводится перевод: «Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется верой». И вроде бы как все становится на свои места, вот первая строчка абзаца: «Das Fürwahrhalten, oder die subjektive Gültigkeit des Urteils, in Beziehung auf die Überzeugung». Переводчики просто внесли часть предполагаемого содержания в определение. С этим можно согласиться, но чувство недосказанности остается. Вооруженные современной трактовкой терминов, мы понимаем, что «достаточность принятия убеждения» и «достаточность принятия истинности убеждения» – это разные вещи. Имел ли И. Кант представление о том, что обоснование (justification) и гарантированность (warrant) – это не одно и то же? И конечно, все портит «вера». Примечательно то, что только В. Плухар (с учетом нашей небольшой выборки) отдельно поясняет, почему в данном случае, включая название параграфа, он использует именно слово «faith», он пишет: «Glauben. Термин может переводиться (refer

как-то привязано к истине, а «законы, определяющие эту связь», должны быть «несомненны». Эта установка в современной терминологии фактически означает, что И. Кант принимает интернализм. Различение «интернализма» и «экстер-

как “belief”, но данное определение *Glaube* как утверждения (assent), которое достаточно субъективно, но не объективно, подходит (fit) только термину “faith”, поскольку “belief” также может быть знанием. *Glaube* это то, что несовместимо (incompatible) со знанием. Я использую глагол “to believe” когда эта несовместимость не предполагается (imply), либо когда фраза “to have faith in” будет неуместна. Принимая во внимание данный выбор терминологии, мы можем перевести название параграфа более дословно как “On Opining, Knowing, and Believing”. Однако глагол “to opine” в лучшем случае странный (quaint) (там, где возможно, я использую фразу “to hold an opinion”), а для существительного “faith” не существует хорошего глагола. Решение Канта использовать глаголы (как отглагольные существительные), как кажется, не имеет философского, – в частности феноменологического, – значения. Он мог использовать глаголы, потому что в случае знания нет существительного другого, чем отглагольное существительное *Wissen*, и в случае “faith” безглагольный *Glaube* в дательном падеже (с “On”) неотличим от отглагольного существительного *Glauben*; аналогично использование *Meinen* вместо *Meinung* (“opining” вместо “opinion”) приходит само собой) (курсив наш. – Н. Г.) [Kant, 1996, p. 749]. А читал ли В. Плухар (работавший в 90-х профессором на философском факультете в Penn State) известную работу Э. Гетье? А если читал и по каким-то своим основаниям (а они могут быть весьма существенными) предполагает, что рассуждения Э. Гетье тут неприменимы, то почему? Значит ли замечание В. Плухара то, что во всем виноват немецкий язык? Но в русском переводе, конечно, будет стоять «вера», которая, конечно же, несоизмерима со знанием. Еще бы, ведь где-то там дальше И. Кант говорит о Боге, а это очевидно тот самый случай. И вопрос о том, в каком смысле можно называть той самой «верой» состояние, в котором «истинность суждения имеет достаточные основания» именно «с субъективной стороны» (для субъекта), принимая во внимание как бы иррационализм веры, по-видимому, здесь останется без ответа. Непонятная история.

Судя по всему, Л. Бонжур пользовался переводом Н. Кэмп Смита 1929 года, так как в приведенной цитате стоит «opine», что нам встретилось только здесь и в переводе М. Вейгельта. И Л. Бонжур, конечно, говорит о «belief». Именно об убеждении, в том числе для того, чтобы избежать различий, вызванных различными коннотациями терминов «belief» и «faith». Но был ли шанс догадаться об этом у недостаточно подготовленного читателя? Можем ли мы предположить, что здесь И. Кант рассуждает о религиозной вере, когда говорит о несомненности (certainty) законов, определяющих связь мнения и истины? С одной стороны, ситуация типичная. Некоторые переводчики так и норовят перевести «certainty» как «достоверность», «beliefs» как «веры», «foundationalism» как «фундаментализм», «truthmaker» как «фактор истинности», «grounding» как «базирование», «reasons» как «резоны», без разбора переводить «knowledge» как «познание», приписывая, например, А. Голдману изобретение «каузальной теории познания», не понимая разницу между доксистическим и пропозициональным обоснованиями, между основаниями принятия убеждения и его обоснованием, между обоснованием и гарантированностью и т.д. Ошибки, связанные с недостаточным владением материалом, понятны и вполне простительны, если над ними работать. Понимание того, что термин должен не просто как-то звучать в русском переводе данного текста, но и что его передаваемое в русском языке значение одновременно должно отвечать и намеренному значению, которое предполагается изначально (а ни один термин не задается только для того, чтобы быть значимым именно в данном, попавшемся переводчику тексте, и должен как-то работать и в других контекстах), и хоть как-то отвечать конвенциональным нормам «семантической ассоциации» (которые, конечно же, можно трактовать очень широко), сопряженной с данным термином («мнение» не может быть «несомненным»; «базовые убеждения» не могут «базироваться на перцепциях»), – это приходит с опытом. Но есть и другая сторона медали. Более темная. Неточности подобного рода могут приводить к возникновению псевдovoпросов, грамотно ответить на которые без восстановления общей картины происходящего (которую также можно выстраивать на разных основаниях) не так-то просто.

Один из наиболее популярных псевдovoпросов, в том числе, связан с тем, что очень часто в отечественной традиции «knowledge» переводится и как «знание», и как «познание». Принимая во внимание возможную разницу в коннотациях (точно так же как и в случае с «belief» как «вера» и как «убеждение», – что, очевидно, может привести к тому, что «Нельсон Гудмен зазвучит как Владимир Соловьев» (с) М.В. Лебедев), не так-то просто ответить на вопрос: «Занимался ли И. Кант / Г. Лейбниц / Аристо-

нализма» будет играть большое значение в аргументации Л. Бонжура. На наш взгляд, имеет смысл к нему обратиться более подробно (фактически еще не начав чтение книги) и пояснить содержание терминов. Как отмечает Матиас Штойп,

тель (добавьте вашего любимого философа) эпистемологией?». Многие будут зависеть от того, с какой стороны мы смотрим. Короткий правильный ответ, который мы можем дать, опираясь на современное представление о предмете эпистемологии, – нет. Уже потому, что «научная проблема есть разрыв между требуемым и имеющимся научным знанием, т.е. таким, которое достигается и обосновывается в соответствии с текущими логическими и эмпирическими стандартами». Если сама проблематика возникает в XX веке, то как ей может заниматься Аристотель? Конечно, Г. Лейбниц использует понятие «эпистема», а И. Кант, как мы видим, понимает разницу между «знанием» и «достаточностью» суждения, но делают они это каждый в свое время, в своем контексте, а про «эпистемологию» мы говорим сейчас. И это значит, что представление Аристотеля как «первого эпистемолога» сейчас должно начинаться, например, с гипотезы о том, какого рода интернализм или укореняющее отношение в контексте проблемы пропозиционального и доксистического обоснований предположительно характерны для данного, предъявляемого отрывка или прочтения Аристотеля, а не с указания на то, что раз он говорил: «Относительно любого чувства необходимо вообще признать, что оно есть то, что способно воспринимать формы ощущаемого без его материи, подобно тому как воск принимает отпечаток перстня без железа или золота. Воск принимает золотой или медный отпечаток, но не поскольку это золото или медь» (*De anima* II, 12, 424a, 17-21), то он занимался эпистемологией. Или: «Номенклатура эпистемологических понятий по И. Канту: Представление вообще (*repraesentatio*) есть род. Ему подчинено сознательное представление, перцепция (*perceptio*). Ощущение (*sensatio*) есть перцепция, имеющая отношение исключительно к субъекту как модификация его состояния; объективная перцепция есть познание (*cognitio*), а познание есть или созерцание, или понятие (*intuitus vel conceptus*)» (семинарист N). В каком месте это «эпистемология» как раздел философии, предметом которого является эпистемический статус убеждений? Давайте будем различать «знание» и «познание». Чем был плох старый советский термин «теория познания», совершенно непонятно. (Кроме как предположить, что «вот были плохие советские термины, а теперь мы поднялись с колен, выучили английский и все хотим заниматься модной эпистемологией».)

Если мы говорим, что И. Кант занимался эпистемологией, то мы должны зафиксировать его позицию в привычной сейчас системе координат. Конечно, мы можем расположить представления Р. Декарта на осях «агностицизм – абсолютное знание», но сам этот факт с точки зрения эпистемологии будет мало что значить. Различение рационализма и эмпиризма, наверняка доступное Г. Лейбницу, – это не различие, актуальное для современной эпистемологии. Никто не спорит с тем, что Платон в «Теэтете» разделит «истинное мнение» и «знание». Никто не спорит с тем, что проблематика «эпистемы» может являться одной из ключевых и предметообразующих для всего историко-философского процесса. Но неожиданно наступил XX век, и какие-то вещи в интерпретации самой философии естественным образом поменялись. Вместе с этим поменялась и наша перспектива. Настолько, что вполне осмысленно говорить сейчас о том, что до известной работы Э. Гетье никакой необходимости буквально считать знание «обоснованным истинным убеждением», т.е. принимать «стандартное» трехчастное определение знания, – нет. Современная эпистемология – это достаточно широкий самостоятельный исследовательский проект, окончательно сформировавшийся только к 1980-м, в том числе благодаря работам Р. Чизолма (мы считаем его крестным отцом, в первую очередь, за попытку интерпретировать привычные «рационализм», «эмпиризм», «обоснование» и т.д. в некоторой формальной системе, в основании которой, кроме прочего, лежит понятие «эпистемический статус убеждения», но этот тезис требует обоснования), и который прямо сейчас, по-видимому, уже показав свою философскую продуктивность, переживает период расцвета – вместе с работами Т. Уильямсона, Д. Причарда, бесконечного числа контекстуалистов совершенно разных толков и т.д. Конечно, они все так или иначе, говоря про «эпистему», но это не значит, что Лейбниц занимался «эпистемологией». Терминологическая разница между «теорией познания» и «эпистемологией» появляется в XX веке не просто так.

Нам могут возразить, что поиск элементов современных концепций в работах предшественников – это хлеб и соль некоторых направлений и вполне успешных трендов современной философии. Как отмечает Доминик Перлер: «Р. Чизолм и П. Гич, исследовавшие эти особенности высказываний об интенционалах, прямо указывают на то, что примеры подобного семантического анализа содержатся в средневековых текстах. Из этого можно было бы заключить, что уже средневековые авторы

«интернализм говорит о том, что эпистемические факторы, – которые определяют то, являются ли убеждения обоснованными, – доступны (accessible on) рефлексивно. Нечто является “внутренним (internal) для сознания” если и только если

совершили лингвистический поворот и обсуждали проблему интенциональности как преимущественно проблему семантических свойств предложений. Разумеется, и в этом случае нужна осторожность. Нельзя заранее считать, что все средневековые авторы уже совершили лингвистический поворот» (Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века. М.: РАНХиГС, 2006, с. 47); мы благодарны Игорю Владимировичу Берестову за подсказанную цитату. Все это так. Однако тут важно то, что в средневековых текстах именно «содержатся примеры». Точно так же, как «Геттиер показал, что возможны сценарии, при которых знание зависит от случайности или удачи» (один известный интернет-ресурс) – это неверное утверждение, так как Э. Гетье (если мы говорим о той самой работе) показывал совсем другое, достаточно открыть его статью, чтобы в этом убедиться. Тезис «зависимости знания от случайности или удачи» очень древний (Платон, при прочих равных, явно не читал «Является ли знанием обоснованное истинное убеждение?»), и это именно анализ *примеров*, которые приводит Э. Гетье (для своих собственных целей), заставляет нас снова вернуться к старому тезису уже на новом этапе философской рефлексии. То, что сейчас обычно называется «проблемой Гетье», является следствием более широкого обсуждения «примеров Гетье», а не прямым следствием тезиса, который Э. Гетье обосновывает в известной работе.

Для профессиональных историков вполне нормальным выглядит тезис о том, что мы сейчас осведомлены о событиях в прошлом гораздо больше, чем сами свидетели событий в прошлом, так как для построения общей картины нужна соответствующая перспектива, которой современники не владели именно потому, что являлись вовлеченными участниками событий. И в том числе потому, что со временем возникнут новые концептуальные схемы структурирования материала. А результат, как известно, является значимым только относительно заданной концептуальной рамки. И это замечание не значит, что в пределах общей историко-философской парадигмы нельзя подобрать общую рамку, объединяющую кого-то в прошлом и кого-то в настоящем. Конечно, она есть. То, как представление об «эпистеме» трансформировалось от Платона к Э. Гетье, например, – это интересно (и мы знаем о таких исследованиях, см., например: Gerson L. Ancient Epistemology. Cambridge University Press, 2009). Но, анализируя его, мы вряд ли будем говорить об эпистемологии. Можно ли считать идолами рынка (следствие неправильного употребления слов и неточности языка) Ф. Бэкона намеком на современную философию языка, а его «слова устанавливаются сообразно разумению толпы» указанием на тезис о неопределенности перевода У. Куайна? Конечно. Занимался ли Ф. Бэкон философией языка? Нет. Его онтология не могла включать именно те категории, которые актуальны для современной философии языка. (Можно пойти еще дальше и вспомнить тезис Сократа о том, что «знание выражено в общих понятиях», и тогда у нас точно не останется сомнений в том, что древние греки, также как и мы, учились по учебнику А.Г. Спиркина). Был ли У. Уэвелл позитивистом, говоря, что «Теория – это сознательный (conscious), а Факт – неосознанный вывод от явлений, доступных нашим органам чувств. В то же время ни одно из противопоставлений Теория – Факт, Вывод – Ощущение, Рассуждение – Наблюдение, Понятие – Данное органов чувств, Мысль – Вещь, нельзя разделить абсолютно и четко. Разница между Теорией и Фактом такова, что в ней Понятия рассматриваются как отличные от Фактов, в то время как последние, на наш взгляд, неотделимы от ощущений (sensations). В Факте Понятия объединены (incorporated) с ощущениями настолько сильно, что мы их не видим, мы смотрим сквозь них. В Теории Понятия отделены от ощущений» (Whewell W. History of Scientific Ideas. London: John W. Parker and Son, 1858, p. 44)? Нет, не был. Это только похоже на то, что он разделяет «язык наблюдения» и «язык теоретических терминов», но формально это не так. И позитивисты, и У. Уэвелл апеллируют к хорошо известной им разнице между «эмпирическим» и «теоретическим», но делают это по-своему. В лучшем случае мы фиксируем аналогию. Иначе у нас И. Ньютон будет заниматься квантовой механикой. Он действительно автор «механики», а «корпускулы» – действительно мельчайшие элементы сущего в соответствующей онтологии. А значит, И. Ньютон занимался механикой мельчайших частиц, демонстрирующих парадоксальные с точки зрения обывателя свойства микромира. Сейчас мы называем эту теорию «квантовая механика». И все это говорит о том, что современное содержание одних и тех же понятий – «мельчайшая частица» – может сильно отличаться от тех коннотаций, которыми пользовались классики, и уж конечно изменяется рамка, через которую мы смотрим на всем привычные понятия. Даже если удастся показать, что понятия «эпистема» и «скептицизм»

оно доступно рефлексивно. Мои убеждения, мой перцептуальный опыт являются внутренними, поскольку я могу сделать их объектом рефлексии и на основании только рефлексивного рассуждения сказать, что они такое есть. Деятельность мозга (brain waves) не является внутренней по отношению к сознанию, потому что посредством рефлексии я могу рассказать о ней крайне мало» [Steup, 1996, p. 85]. Для экстернализма соответствующие «факторы» не обязаны быть внутренними, доступными рефлексии. Ряд исследователей (У. Алстон, Д. Причард, Дж. Дэнси и др.) подчеркивают, что деление интернализм/экстернализм не является достаточно строгим, для того чтобы считаться дихотомией². С точки зрения

имеют одно и то же значение и тогда, и сейчас (интересно, что по этому поводу сказал бы У. Куайн), то условные «оси координат», внутри которых и совершается «работа с понятиями», точно будут другими. Рассуждения о природе знания, равно как и вычурная, не похожая на другие схема познания, еще не делают из вас эпистемолога.

² Сразу отметим, что представление, которое фиксирует М. Штойп и которым пользуется Л. Бонжур, в лучшем случае является частью условного «классического» проекта (интернализм, релялизм, корреспондентная теория истины и т.д.), отражающего взгляды, сформировавшиеся к началу последней трети XX века. К тому моменту, когда Л. Бонжур пишет свою книгу (1985), образцом интерналистской теории является эвиденциализм Р. Чизолма (1966), а экстерналистской – релейбилизм А. Голдмана (1979). В настоящее время вся ситуация вокруг противопоставления интернализма и экстернализма выглядит гораздо сложнее. Например, как пишет Дункан Причард: «Эпистемические условия, это такие условия, которые, будучи добавленными к истинному убеждению, дают знание. В классической парадигме, таким образом, всего одно эпистемическое условие – условие обоснования. Эпистемические условия являются интерналистскими, если они доступны (accessible) субъекту только посредством рефлексии, интроспекции или априорного рассуждения. Обоснование в классической парадигме является интерналистским эпистемическим условием. Субъект обоснован, если он обладает (possess) хорошими основаниями в пользу убеждения, т.е. буквально может их привести. Экстерналистские эпистемические условия, наоборот, – рефлексивно тот факт, что субъект удовлетворяет условиям, может быть ему не доступен. Подчеркнем, что именно примеры Геттье (Gettier-style cases) заставляют нас добавить экстерналистское эпистемическое условие в теорию знания. Не важно, насколько хорошо обоснование, приводимое в пользу принятия пропозиции, пропозиция все равно может быть ложной. Должны быть выполнены и интерналистские эпистемические условия (обоснование), и экстерналистские (условия, показывающие убеждения независимо от обоснования, которое приводит субъект)... В этом смысле можно ввести различие между интерналистскими и экстерналистскими теориями знания. Интерналистская теория содержит по крайней мере одно интерналистское эпистемическое условие (как правило, классическое условие обоснования). Экстерналистская теория – это теория, которая настаивает на том, что она не является интерналистской. Процессный релейбилизм утверждает, что знание – это убеждение, произведенное достоверным процессом, где под достоверным понимается процесс, приводящий (tends to result in) к истинным убеждениям. Эпистемическое условие, очевидно, является экстерналистским. В данном случае субъект не может, опираясь только на рефлексии, заключить, что процесс является достоверным. Рефлексивно субъект может знать только то, что у него есть хорошие основания думать, что убеждение произведено достоверным процессом, но это не совсем то, что нужно» [Pritchard, 2016, p. 11–12]. Примечательно то, как трансформируется приведенное представление. Проблема заключается в том, что интерналистское эпистемическое условие структурно можно представить по-разному. Можно говорить о том, что оно «доступно рефлексивно» (accessibilism): «Обоснование принятия пропозиции конституируется только фактами, которые рефлексивно доступны субъекту» [Ibid., p. 78]. Именно это представление чаще других находит отражение в «классическом» (с точки зрения общего развития современной эпистемологии в XX веке) понимании интерналистского обоснования. Можно говорить о том, что оно «ограничено ментальными состояниями (убеждениями и опытом субъекта), которые противопоставляются экстра-ментальным (связанным с фактами относительно внешнего мира)» (mentalism): «Обоснование принятия пропозиции конституируется только ментальными состояниями субъекта» [Там же]. Именно к этому представлению будут тяготеть классики логического позитивизма, поскольку здесь нет необходимости говорить о внешней реальности. Наконец, можно говорить и о третьем варианте понимания интерналистского эпистемического условия, которые следуют за интуицией, продик-

представления о нормативности обоснования я могу использовать для обоснования только данные, доступные сейчас, – и это мое обязательство по отношению к имеющимся данным. В этом смысле само понятие «имеющиеся данные» говорит только о том, что доступно рефлексивно. Если вы трактуете обоснование как обязательство, то нечто, не доступное рефлексии, не может быть «фактором», который определяет, является ли данное убеждение обоснованным. Различные экстерналистские проекты (А. Голдман, Д. Армстронг, Ф. Дретске и др.), как правило, подчеркивают, что эти факторы должны иметь «адекватные основания», – желательно обеспечивать достижение истинности убеждений. Например, для Уильяма Алстона основания «достаточно адекватны», если они «вероятны фактуально», а не эпистемически (см., например: [Alston, 1988]), – и эту вероятность нельзя установить исключительно рефлексивно³. Это пример не-деонтологического по-

тованной аргументом «Мозг в баке» (the new evil genius thesis): «Обоснование принятия пропозиции конституируется только теми характеристиками, которые есть и у субъекта, и у его двойника в матрице» [Ibid., p. 80]. Учитывая такое разнообразие вариантов определения интерналистского эпистемического условия, как в данном случае вообще можно определить интернализм? Ответ Д. Причарда таков: «Мы будем называть классическим эпистемическим интернализмом представление, которое включает все три приведенные определения. Мы полагаем, что по крайней мере для простых не инференциональных убеждений относительно окружающего мира они все экстенционально эквивалентны. Неклассическим эпистемическим интернализмом мы будем называть представление, которое включает по крайней мере один из этих тезисов, и при этом по крайней мере один из этих тезисов не включает» [Ibid., p. 81]. «Простые не инференциональные убеждения относительно окружающего мира», «совпадение множеств экстенционалов» – уже одно это говорит о том, что предполагаемая теория «интерналистского эпистемического условия» может быть весьма объемной. И естественно, аналогичный «структурный» анализ экстерналистского эпистемического условия может быть не менее сложным. В качестве примера Д. Притчард, например, приводит «семантический экстернализм»: «Содержание ментальных состояний по крайней мере частично определяется окружающей средой (environmental factors)» [Там же]. Более того, различные интерпретации интерналистского и экстерналистского эпистемического условия будут по-разному сочетаться не только друг с другом, но и с другими, условно, «нейтральными» (по отношению к исходной дихотомии интернализм/экстернализм) тезисами, образующая пространство различных «синтетических форм» интернализма и экстернализма. В качестве примера одной из версий «неклассического эпистемического интернализма» Д. Притчард приводит «эпистемический дизъюнктивизм»: «Основания для обоснования принятия пропозиции одновременно являются фактивными и рефлексивно доступными» [Ibid., p. 83]. Под «фактивностью» понимается характерное условие, связывающее «основания» и «пропозицию»: «Пропозиция должна следовать (entail) из оснований». Все это говорит о том, что Л. Бонжур, понимая деление интернализм/экстернализм как дихотомию, на самом деле находится в самой простой и понятной «модельной» ситуации (и, возможно, умышленно выбирает ее такой), не требующей существенных дополнительных построений, которые, конечно, будут необходимы при анализе и построении более общей теории. Мы благодарны Игорю Евгеньевичу Присю (личная переписка) за замечание о необходимости обратить здесь внимание на многообразие форм интернализма и экстернализма в современной эпистемологии и плодотворное обсуждение этого вопроса.

³ Фактуальная вероятность отражает объективные характеристики физического мира и задается в терминах частоты одного события, происходящего относительно другого. При этом всегда можно сказать, что «фактуальная вероятность такова, что мы не всегда можем сказать, что она есть на самом деле, – она не является с необходимостью частью данных, которые есть у субъекта, а значит, может быть не релевантна обоснованию убеждения» [Steup, 1996, p. 83]. Естественно, речь идет о различиях в понимании интерналистской и экстерналистской интерпретаций обоснования. «Эпистемическая вероятность» показывает степень обоснованности убеждения относительно данных, соотносимых субъектом с анализируемым убеждением в данное время. Мы можем описать ее в терминах теории вероятностей, но «фактуальная вероятность», конечно же, в первую очередь, будет апеллировать к объективной природе условного «физического» понимания вероятности.

нимания обоснования. Нормативный статус такого обоснования связан с представлением о предпочтительности, а не с представлением о должном, об обязательствах или ответственности. С деонтологической точки зрения нет ничего ужасного в том, чтобы обоснование убеждения не опиралось бы на фактуальную вероятность, – необходимо, чтобы обоснование было вероятно эпистемически (логически невозможно не принять вероятное эпистемически убеждение). В этом смысле критика «адекватных оснований» У. Алстона связана именно с отрицанием экстернализма. В свою очередь У. Алстон, ссылаясь именно на Л. Бонжура, пишет: «Правдоподобие (plausibility) атак на экстернализм и релейбилизм следует за неудачными попытками разделить экстернализм по отношению к основаниям, на которых обосновываются убеждения, и по отношению к их адекватности. Никакие убеждения, которые вдруг из ниоткуда появляются (pop up) в голове, нельзя считать обоснованными. Обоснование убеждения должно предполагать, что субъект обладает когнитивным доступом к основанию в некоторой сильной форме, равно как и то, что субъект обладает перспективой восприятия мира, которая и задает доступ к основанию» [Alston, 1988, p. 281]. В каком-то смысле это будет уже промежуточная позиция между экстернализмом и интернализмом. Аналогично, если рассмотреть эволюцию взглядов Алвина Голдмана от «процессного релейбилизма» (1979) к «эвиденциалистскому virtue reliabilism» (2011), затруднения построения исключительно экстерналистской концепции обоснования станут видны еще больше. В отличие от У. Алстона и А. Голдмана, Л. Бонжур не принимает экстернализм. Ни в какой форме. И это будет представлять известную проблему. Если вы строите когерентистскую концепцию обоснования и выбираете только каноничную версию интернализма, то как вы добьетесь связи между условием истинности и условием обоснования, в каком смысле будете говорить о достоверности убеждений?

Еще один ключевой для концепции Л. Бонжура момент связан с жестким противопоставлением фаундализма и когерентизма. Исходным пунктом анализа здесь будет то, что и фаундализм, и когерентизм изначально понимаются как два примера именно интерналистской концепции, в которой обоснование, по сути, является следствием принятого представления о структуре системы убеждений. Для фаундализма нет других «эпистемических факторов» кроме «базовых убеждений», а для когерентизма все множество «факторов» ограничено «отношением когерентности» между убеждениями, которые и в том, и в другом случае, конечно, доступны рефлексивно. И конечно, само означенное деление в настоящее время, точно также как деление интернализм/экстернализм, не считается дихотомией. Как отмечает Сьюзан Хаак: «Классификация, которую я привожу (восемь различных конфигураций базовых тезисов фаундализма и когерентизма. – Н. Г.), является эксклюзивной, поскольку конфигурации не совместимы (incompatible) по тому, как можно задать представление об эпистемической исключительности (privilege) убеждений, и по тому, какой уровень, какой класс или тип убеждений мы рассматриваем. Существует много способов задать представление об эпистемической исключительности (несомненность, самоподкрепление и т.д.), и мы можем сопоставить разные конфигурации с разными представлениями. То же самое, например, если мы захотим по-разному задать представление о делении между разными

типами знания (логическое vs эмпирическое знание и т.д.). Например, если мы разведем локальные и глобальные эпистемические теории, то тот же контекстуализм (имеется в виду классическая работа Дэвида Анниса 1978 года. – Н. Г.) можно будет считать либо одной из форм фаундализма, в которой набор привилегированных убеждений зависит от контекста, либо одной из форм когерентизма, когда от контекста зависит направление обоснования» [Haak, 1983, p. 150]. Естественно, классификация, которую предлагает С. Хаак, выглядит немного искусственной (нужно показать «внешнюю» необходимость большого числа промежуточных форм фаундализма и когерентизма), но ее вполне достаточно для того, чтобы обратить внимание на те моменты, которые Л. Бонжур (сознательно или нет) пропускает. Например, говоря о базовых убеждениях, Л. Бонжур будет настаивать на том, что источник их обоснованности должен быть «недоксастическим» (они не должны получать подкрепление от других убеждений и должны быть обоснованы, например перцептуально). При этом мы понимаем, что субъект не может быть обоснован в чем-то, если обоснование опирается на что-то, что само не является обоснованным. А значит, мы не просто выбираем фаундализм, – мы обязаны предположить существование убеждений, которые обоснованы, но обоснованы без опоры на другие убеждения. И поскольку Л. Бонжур рассматривает вопрос обоснования именно эмпирического знания, он будет говорить о существовании эмпирических базовых убеждений (и покажет, что само представление об их существовании противоречиво). В общем случае ничто не мешает представить другую фаундалистскую концепцию с другими характеристиками базовых убеждений. С. Хаак приводит в пример крайнюю форму рационализма как разновидность фаундализма, в которой «все знание производится только разумом». На протяжении всей книги Л. Бонжур будет подчеркивать, что обоснование не является «внутренней характеристикой» убеждения и всегда инструментально уже потому, например, что оно должно демонстрировать истинность, которую мы сознательно выбираем как «единственную когнитивную цель познания» (с. 8). И этот тезис, конечно же, противоречит представлению о том, что обоснованность базовых убеждений в фаундализме является их «внутренней характеристикой», поскольку она не выводится из других убеждений. Анализу экстерналистских интерпретаций фаундализма посвящена отдельная глава.

Третий момент, который также можно отметить приступая к чтению книги, заключается в том, что, говоря о когерентизме, Л. Бонжур будет настаивать на необходимости «мета-обоснования» (более подробно мы обратимся к этому понятию в ходе анализа второй части книги). Обоснование убеждения включает в себя как его обоснование внутри системы убеждений, так и обоснование правдоподобности (по отношению к описанию внешней реальности) системы в целом: «В когерентной системе обоснование нелинейно и является следствием сложного характера взаимосвязи убеждений между собой, а также отношения между системой и миром» (с. 90). Этот тезис представляет собой определенную сложность. Л. Бонжур – интерналист, а значит в его версии когерентизма основным предметом анализа являются именно отношения между убеждениями, которые должны быть рефлексивно схвачены рациональным субъектом, а не отношения между убеждениями и тем, что находится «за пределами» системы, так как вопрос

о том, можно ли их схватить, остается открытым. В этом смысле мета-обоснование уже не может быть просто частью третьего условия, а должно пониматься как еще одно достаточное условие знания. После известной работы Э. Гетье, – а наиболее адекватный ответ на поставленную им проблему достаточности трех условий заключается в том, что мы должны каким-то образом зафиксировать содержательную связь между соответствующими главными antecedentes (эпистемическими условиями) и консеквентом (принятым определением знания) (см.: [Головкин, 2023]), – можно предположить, что Л. Бонжур видит выполнение условия «содержательности взаимосвязи» именно в мета-обосновании. И он уже использовал аналогичный ход рассуждений, когда аргументировал в пользу интернализма. Выбор интернализма обусловлен выбором соответствующих нормативных оснований обоснования. Убеждение будет обосновано, только если субъект выполнит определенные «эпистемические обязательства» по отношению к убеждению и его обоснованию, т.е. только если соответствующее мета-убеждение (что субъект таки выполнит эти «эпистемические обязательства») будет должным образом обосновано. В некотором приближении мы можем сказать, что интернализм отвечает деонтологической модели нормативности (которая здесь, по сути, и выступает своим локальным аналогом мета-обоснования), а экстернализм – консеквенталистской⁴. Точно также обоснование «внутри» систе-

⁴ В общем случае это утверждение не верно. Как отмечает Игорь Евгеньевич Прись (личная переписка), экстернализм Тимоти Уильямсона можно проинтерпретировать с точки зрения деонтологической модели нормативности. Да, мы готовы с этим в целом согласиться. В данном случае (даже безотносительно того, что мы не готовы считать Т. Уильямсона тем, кто «сполна отдал дань уважения классике» – он, скорее, «новая волна») мы говорим о логике, которой придерживается сам Л. Бонжур. Его интерпретация дихотомии интернализм/экстернализм, на наш взгляд, может предполагать именно такое деление между деонтологией и консеквентализмом. Что касается концепции Т. Уильямсона, то тут необходимо отметить несколько моментов. Во-первых, да, Т. Уильямсон экстерналист, достаточно вспомнить его: «[только] экстернализм позволяет (free us) нам утверждать, что знание есть ментальное состояние» [Williamson, 2000, p. 50]. Однако уже упоминавшийся выше в контексте обсуждения деления интернализм/экстернализм (см. примечание 2) Д. Притчард отмечает, что «Уильямсон полагает, что знание есть ментальное состояние и что знание должно отождествляться с данными (evidence). Предположим, что обоснование конституируется данными. Это будет означать, что оно конституируется именно тем, что субъект знает, т.е. конституируется его ментальными состояниями. Такое представление естественным образом сочетается (allied) с ментализмом (обоснование конституируется только ментальными состояниями субъекта. – Н. Г.). И нетрудно увидеть, что это же представление могло бы (would want to) отрицать тезис рефлексивной доступности (ментальные состояния субъекта не обязаны быть рефлексивно доступными) и с необходимостью будет (would be required to) отрицать тезис неотличимости (обоснование конституируется только теми характеристиками, которые есть и у субъекта, и у его двойника в матрице. – Н. Г.). Большое число убеждений двойника в матрице ложно, и мы можем предположить, что он меньше знает. Уильямсон прямо отрицает тезис неотличимости (Williamson, 2000, ch. 8). Однако, несмотря на принятие (commitment) ментализма, никто не скажет, что концепция обоснования Уильямсона является интерналистской. Его концепция является примером одной из версий неклассического эпистемического экстернализма» [Pritchard, 2011, p. 240–241]. Это интересный момент. Экстернализм Т. Уильямсона является «неклассическим». Именно этот факт теоретически может быть основанием возможной интерпретации концепции Т. Уильямсона в русле деонтологической теории эпистемической нормативности и вообще основанием для сравнения концепций Л. Бонжура и Т. Уильямсона. Во-вторых, в общем случае деонтологическая теория эпистемической нормативности апеллирует к правилам. Как отмечает Дж. Греко, «мы можем думать о правилах или нормах как об условных утверждениях, antecedentes которых определяют исходные когнитивные состояния субъекта, а консеквенты – последующие когнитивные состояния, которым можно будет понимать как разрешенные, требуемые или запрещенные. Нормы – это раз-

мы должно контролироваться мета-обоснованием, играющим роль «оснований нормативности» этого «первого» обоснования. А поскольку цель обоснования как аргумента заключается в том, чтобы приводить основания в пользу истинности убеждения, – мы говорим о том, что истина – это когнитивная цель познания и что суть обоснования заключается в том, чтобы показать способность убеждений приводить к истине (truth-conductiveness), – то вполне естественно предположить, что именно эту «способность убеждений приводить к истине» и должно зафиксировать мета-обоснование. Проблема заключается в том, что когерентизм не может выйти за «пределы» системы, и мы добавляем еще одно достаточное условие знания, которое напрямую связывает систему убеждений и «внешний мир». Не является ли такая модель обоснования знания фаундалистской? Мы увидим, как на этот вопрос ответит Л. Бонжур⁵. Как отмечает С. Хаак: «Предположение,

решающие, предписывающие или запрещающие правила. Основная идея деонтологической теории заключается в том, что эпистемическая нормативность является функцией соответствующих когнитивных норм или правил» [Greco, 2010, p. 18]. Когнитивные (ментальные) состояния субъекта закреплены (ментализм), о каких «правилах» может идти речь, если мы свяжем концепцию Т. Уильямсона и деонтологическую теорию эпистемической нормативности? Тут важно то, что хотя Т. Уильямсон и отрицает необходимость анализа знания, так как оно является фундаментальной эпистемологической категорией, тем не менее он не отказывается от того, чтобы искать «интересные и информативные достаточные характеристики знания». Например, такой «достаточной характеристикой» может быть представление о том, что «знание является фактивным ментальным состоянием», или что «S знает P, если и только если все множество данных S включает пропозицию что P», или различные варианты «страховочных условий» (safety conditions), которые не дают субъекту принять ложное убеждение (см., например: [Williamson, 2000, p. 126]). И по крайней мере часть этих «достаточных характеристик» можно интерпретировать как нормы. А поскольку сам Т. Уильямсон настаивает на том, что «знание есть норма утверждаемости (assertion)» [Ibid., p. 238], то мы действительно можем получить «деонтологическую интерпретацию экстернализма Т. Уильямсона». Как известно, в 2000-х в европейской культуре наступил мета-модерн, и, очевидно, современная эпистемология полностью отвечает этой тенденции, возможно даже, что в эпистемологии мета-модерн наступил немного раньше.

⁵ С одной стороны, наличие мета-обоснования может считаться достаточным условием соответствующего «простого» аргумента против фаундализма. Если «первый» уровень обоснования требует мета-обоснования, то для того чтобы убеждение было обосновано, соответствующее мета-убеждение (что убеждение «первого» уровня обосновано) также должно быть обосновано. И в этом смысле ключевая посылка фаундализма, что должны существовать базовые убеждения, обоснованные которых не зависит от обоснования других убеждений, – будет опровергнута. С другой стороны, подобные рассуждения могут натолкнуть на мысль о регрессе мета-обоснования. Естественно, Л. Бонжур понимает необходимость дополнительно прокомментировать свою точку зрения; он пишет: «Мета-обоснование необходимо для того, чтобы убеждение было эпистемически обосновано. Субъект будет эпистемически обоснован в принятии убеждения, если он будет находиться в состоянии когнитивного обладания (possession) всеми основаниями для того, чтобы заключить, что убеждение истинно или правдоподобно. В отсутствие таких оснований субъект будет *эпистемически безответственным*, – принимая убеждение, не соотносясь соответствующим образом со своей когнитивной целью. И поскольку содержание эмпирического убеждения само по себе может и не включать таких оснований, мы должны об этом позаботиться. Тут могут появиться два вопроса. Должен ли субъект актуально находиться в состоянии обладания основаниями или мы говорим об экстерналистской трактовке оснований, доступных в данный момент? Должны ли эти основания иметь форму убеждений либо быть другими когнитивными состояниями, настолько рудиментарными, чтобы удовлетворять фаундализму» [Bonjour, 1989, p. 58]. Может показаться, что «мета-обоснование» как стратегия предполагает только конкретный вид эпистемической теории, когда обоснование рассматривается в виде правил или стандартов, которым должно удовлетворять убеждение. И тот факт, что убеждение удовлетворяет этим стандартам, сам по себе не является основанием для того, чтобы предположить истинность убеждения. Это не совсем так. Тут важен акцент. Л. Бонжур говорит о том, что на самом деле убеждение все-таки содержит эти «основания», и наша задача как раз и заключается в том, что-

что хорошая теория обоснования должна (must) указывать на что-то за пределами системы убеждений субъекта, *не означает*, что должны быть убеждения, которые полностью (absolutely) обоснованы независимо от других убеждений. Обоснование, если можно так выразиться, ослабляется (dilute), когда переходит от одного убеждения к другому (в случае не-дедуктивного вывода. – Н. Г.). Даже если мы полностью обоснованы в исходных убеждениях, то убеждения, принимающие обоснование от них, будут обоснованы лишь до некоторой степени. И если мы требуем, что для того чтобы считаться знанием, мы должны быть полностью обоснованны, то тогда только базовые убеждения могут считаться знанием, а значит – фаундализм просто *не релевантен*. Но если мы говорим, что для того чтобы считаться знанием, должны быть выполнены какие-то достаточные условия, то *нет необходимости* для базовых убеждений быть обоснованными, не опираясь на другие убеждения; они должны быть обоснованы ровно настолько, чтобы *удовлетворять достаточным условиям*» (курсив наш. – Н. Г.) [Haak, 1983, p. 154]⁶.

бы найти «форму», в которой они уже содержатся. Нет никакой «метафизической» необходимости в том, чтобы «основания истинности убеждения» принимали форму мета-убеждения. Как отмечает Л. Бонжур: «Собственно произнесение “основания для предположения, что убеждение истинно” может заставить подумать, что эти основания сами должны говорить об убеждении как об убеждении, т.е. они должны формулироваться как мета-убеждения. Но я только хочу сказать, что субъект обладает основаниями для того, чтобы заключить о том, что содержание убеждения истинно, не больше, предполагая то, что само убеждение функционирует только как способ обозначения (indicate) своего содержания» [Ibid., p. 62]. Например, когерентизм предполагает, что эмпирические убеждения составляют «сложную, многоуровневую систему, в которой каждое убеждение будет обосновано апелляцией к другим». И мы только на основании этого можем сказать, что у субъекта уже есть то, что потенциально можно считать основанием для заключения об истинности убеждения, – это предположение, что «истинность убеждения будет следовать из других, уже принятых, убеждений системы». «Штойп не прав, говоря что мета-обоснование обязательно приводит к регрессу мета-обоснования, так как это его представление является следствием допущения, что мета-обоснование обязано принимать форму убеждения. Однако само это допущение не играет особой роли в опровержении фаундализма. Мета-обоснование не является следствием безусловной необходимости перейти на следующий, более абстрактный уровень рассуждений несмотря ни на что, это следствие допущения, что у нас есть основания предположить, что обоснование на первом уровне не может показать, что убеждения приближенно истинны. И эти основания достаточно хорошо видны, когда мы говорим о трех стандартных возражениях когерентистским теориям: возможность альтернативных систем убеждений; необходимость пополнения эмпирического содержания системы; и связь когерентистского обоснования с истинностью как целью познания. По сути, мета-обоснование будет считаться неадекватным, только если “адекватность” понимается как утверждение, что установление близости к истине *не требует* никаких исходных (background) допущений» [Ibid., p. 60]. Впоследствии (мы коснемся этого в ходе анализа второй части книги) многие критики отметят, что факт, что мета-обоснование у Л. Бонжура – это, по сути, априорный тезис о том, что система убеждений правдоподобна, – как бы немного портит общую картину. Однако, следуя приведенным рассуждениям Л. Бонжура, допущение априорного характера мета-обоснования – это совсем не то, что говорить, что «любое контингентное эмпирическое убеждение априорно истинно». Именно в силу того, что «адекватность» эпистемического обоснования *должна* предполагать, что «установление близости к истине» обязательно требует апелляции к исходному знанию.

⁶ Здесь, рассуждая о «достаточных условиях», С. Хаак поднимает еще один интересный вопрос, который можно задать: «Фаундализм требует, чтобы базовые убеждения были одновременно и достаточно обоснованными и достаточно *богатыми по содержанию* для того, чтобы быть основаниями других убеждений. Однако высокая степень обоснованности, как правило, означает, что убеждения будут настолько избавлены (stripped) от содержания, что не смогут выполнять свою эпистемическую функцию. Чем более привилегированный статус у убеждения, тем больше бремя обоснования других непривилегированных убеждений. И это серьезный аргумент против сильного фаундализма, который

В этом смысле появление мета-обоснования как еще одного дополнительного достаточного условия знания может не представлять особой сложности, – оно не превращает когерентизм Л. Бонжура в каноничный фаундализм с необходимостью. Более того, сомнительно, что Л. Бонжур будет рассуждать именно так. Он полагает, что когерентизм – это единственная приемлемая модель обоснования именно «эмпирического знания». В этом смысле тезис о том, что само мета-обоснование должно быть обосновано априорно (еще один популярный среди критиков тезис, который мы обязательно подробно рассмотрим во второй части рецензии), не нарушает самой общей интуиции, что обоснование эмпирического знания должно быть конечным и его «окончание» должно быть сопряжено с чем-то, что «противоположно» самой идее эмпирического. Это лишь интуиция, но она, вернее ее соответствующая авторская интерпретация, будет играть заметную роль в механике аргументации Л. Бонжура.

Также здесь в шутку можно отметить, что в общем случае разговор о достаточных условиях знания можно вести не только в «аналитическом ключе», отталкиваясь от логической необходимости приводимых контрпримеров, но и в «практическом» – отталкиваясь от практики, как бы мы ее ни понимали. Это означает, например, что мы можем теоретически попытаться рассмотреть концепцию Л. Бонжура через призму *натурализованной* эпистемологии. И только так мы объясним отмеченные моменты, которые крайне важны для Л. Бонжура (неприятие скептицизма, отказ от интерпретации мета-обоснования в пользу фаундализма и т.д.) и которые действительно могут вызывать раздражение более «философски настроенных» читателей. В натуралистической перспективе (известная работа У. Куайна выходит в 1963 году, однако собственно «манифест» закрепит «Возвращение натуралистов» Филиппа Китчера 1981 года, что достаточно близко к 1984 году, когда Л. Бонжур пишет книгу) акцент делается на анализе «способов, которыми люди познают мир через взаимодействие с ним». Естественно, в такой ситуации именно опыт (и все, что связано с нормативностью опытного – эмпирического знания) будет играть ключевую роль в обосновании убеждений. В свете опыта субъект изменяет свои убеждения. При этом какие-то убеждения в большей, а какие-то в меньшей степени будут зависеть от опыта.

требует того, чтобы базовые убеждения были и абсолютно обоснованы, и полностью отвечали за обоснование. Чуть менее серьезный аргумент против не-чистого фаундализма, который также требует, чтобы базовые убеждения были абсолютно обоснованы, но при этом они не должны полностью отвечать за обоснование. И совсем не аргумент против слабого фаундализма, который не требует абсолютной обоснованности базовых убеждений, а значит допускает, что по содержанию они могут быть гораздо глубже, чем в других формах фаундализма» [Наак, 1983, р. 155]. Это замечание интересно само по себе. Представим ситуацию, когда в качестве базового убеждения нам предлагают тавтологию. Она максимально обоснована, но какова «сила передачи» обоснования другим убеждениям? И конечно, мы говорим именно об эмпирическом знании, а не об онтологиях специального вида, и помним о том, в чем заключалась «проблема Гетье». В этом смысле важно не только содержание базового убеждения, но и вывод, который свяжет пробное и базовое убеждение, – он должен предполагать «передачу», связь содержания. В четвертой главе, например, Л. Бонжур потратит много времени на обсуждение «источника» базовых убеждений, показывая, что «абсолютность», понимаемая в терминах «данности», не может спасти фаундализм, но проблема «содержательности» вывода останется «за кадром». В этом смысле «обязательное условие» когерентизма – в когерентистской модели любые убеждения получают обоснование только от других убеждений, можно рассматривать как еще одно основание аргументации против фаундализма наравне с критикой понятия «базовые убеждения».

Но нет убеждений, содержание которых было бы продиктовано исключительно опытом, поскольку убеждения, которые уже у нас есть, так или иначе «аффицируют» убеждения, которые мы получаем в результате опыта. Условие мета-обоснования не обязано трактоваться как уклон в сторону фаундализма. Вот если бы мы предположили, что существуют убеждения, содержание которых продиктовано исключительно опытом и они могут играть известную роль в обосновании других убеждений, – тогда фаундализм неизбежен. Но в натуралистической перспективе такие идеальные «до-опытные» конструкции запрещены. И более того, в такой перспективе условие взаимосвязи системы убеждений и условной «внешней реальности» по умолчанию уже является частью достаточных условий знания. Роль Л. Бонжура здесь заключается в том, чтобы найти конкретный вид этого условия и показать его необходимость. Единственное, что портит предполагаемую натуралистическую трактовку концепции Л. Бонжура, – это строгость делений интернализм/экстернализм и когерентизм/фаундализм, которой, как известно, в хорошей натуралистической перспективе (как и любых других строгих дихотомий) быть не может (см., например: [Головкин, 2006]). Отмеченные моменты – отрицание скептицизма и, конечно, интернализм в приведенной трактовке, – как нельзя лучше показывают то, что Л. Бонжур все же является скорее «классическим философом». Точно таким же, например, как Р. Чизолм или Д. Армстронг. И в этом смысле дихотомии допустимы. Как и в любой философской концепции, есть элементы, которые безусловно являются авторскими, – когерентизм и мета-обоснование – это то, на основании чего и из чего Л. Бонжур строит свою теорию, а есть элементы, такие как реализм или корреспондентная теория истинности, которые, конечно, участвуют, но сами по себе принадлежат гораздо более широкому, привнесенному историческому контексту «онтологических предпочтений». Однако предмет исследования важен. И конечно, итоговое заключение первой части – что мы должны сделать выбор в пользу когерентистской концепции обоснования эмпирического знания ввиду очевидных проблем фаундализма, – это не «аналитически строгий» результат, продиктованный именно логической строгостью аргументации. Здесь мы имеем дело с надлежащим образом «инструментально» подобранными представлениями о структуре и источниках эпистемического обоснования, отвечающими тому, как Л. Бонжур понимает природу и другие важные для него характеристики эмпирического знания.

Знание и обоснование

В самом начале предисловия Л. Бонжур знакомит читателя с общим планом книги. Центральной проблемой эпистемологии является «угроза бесконечного, непреодолимого (*vicious*) регресса обоснования эмпирических убеждений, следствием которой является скептический вывод о том, что нет никакого эмпирического знания, нет основания считать, что какое-либо эмпирическое убеждение истинно» (с. xi). Именно так: *обоснование эмпирического убеждения есть приведение оснований в пользу его истинности*. Это очень сильное требование. Но именно так Л. Бонжур понимает суть обоснования. Фаундализм в общих чертах понимается как представление о том, что «некоторые эмпирические убеждения обоснованы

так, что их обоснование не зависит от других эмпирических убеждений, что естественным образом останавливает регресс» (Там же). Проблема заключается в том, как возможно, в каком смысле «базовые убеждения обоснованы, если связь с другими убеждениями исключена»? И после того как будет показано, что «с учетом разумных ограничений достаточно убедительного понимания этих предполагаемых базовых эмпирических убеждений построить не удается», иного выхода, кроме как перейти к когерентизму, не останется. Когерентизм понимается как представление о том, что «регресс обоснования эмпирических убеждений, вместо того чтобы продолжаться до бесконечности, движется по своего рода *замкнутой кривой*» (с. xii). Задача, которую ставит перед собой Л. Бонжур, заключается в том, чтобы «показать то, как обоснование, принимающее такую форму, по крайней мере в каких-то случаях можно схватить рационально, не испортив представление логическим кругом; показать, как должно пониматься когерентистское обоснование, приводящее основания для представления о том, что убеждения, обоснованные таким образом, являются истинными» (Там же). При этом Л. Бонжур подчеркивает, что «нельзя быть уверенным в том, что нет другого альтернативного когерентистского представления, которое еще только предстоит открыть» (Там же). Он говорит о необходимости построить адекватную концепцию обоснования именно эмпирического знания, претендующую на истинность. Каким образом этого удастся достичь именно в когерентистской модели обоснования – и является, по сути, основным вопросом книги.

Первая глава раскрывает представления Л. Бонжура об эпистемическом обосновании: «То, что делает нас субъектами, обладающими сознанием, – способность рассуждать, и цель этих когнитивных усилий – истина; мы хотим, чтобы наши убеждения аккуратно отображали (*depict*) мир. Если бы истина была бы каким-либо образом достижима, тогда понятие обоснования не играло бы особой роли. Но у нас нет непосредственного доступа к истине, и поэтому мы обращаемся к обоснованию. Обоснование является средством (*means*) достижения истины, это явно постигаемая связь между нашей исходной субъективностью и объективной целью. И если стандарты эпистемического обоснования выбраны должным образом, то, учитывая обычные промахи и нечеткости, которые наша ограниченность делает обязательными, – сам факт того, что убеждения эмпирически обоснованы, будет указывать (*tend to bring it about*) на их истинность» (с. 7). Обратите внимание, Л. Бонжур – реалист. Существует объективная реальность, которой наши обоснованные убеждения, с учетом субъективности и понятных ограничений, соответствуют. Более того, «субъект принимает только те убеждения, в отношении которых у него есть хорошие основания думать, что они истинны. Принять убеждение в отсутствие этих оснований означает игнорирование стремления к истине и является *эпистемически безответственным*. Быть эпистемически ответственным – это суть понятия эпистемического обоснования» (с. 8). Так Л. Бонжур обозначает свое представление о нормативности обоснования⁷.

⁷ Здесь, конечно, можно вспомнить Уильяма Клиффорда и Уильяма Джеймса, обсуждающих (в том числе в контексте состоятельности религиозной картины мира) необходимость принимать убеждения в отсутствие достаточных данных. Сам Л. Бонжур вспоминает Эрнеста Соса и представление «быть в соответствующей позиции». Выше мы уже отмечали, что деонтологически обосновываемые убеждения не обязаны быть «фактуально приводящими к истине» (*truth-conductive*), – они обя-

Объяснение, предсказание, понимание, другие функционально полезные основания (например, способность к решению проблем) в данном случае как основание нормативности обоснования не рассматриваются.

Следующий момент, на который обращает внимание Л. Бонжур, – это условия, стандарты и критерии, по которым эмпирические убеждения считаются эпистемически обоснованными. Естественно, любая такая претензия должна сопровождаться демонстрацией того, что предполагаемые стандарты обоснования действительно приводят к убеждениям, которые «в перспективе будут указывать на истину». Демонстрацию адекватности выбранных стандартов обоснования Л. Бонжур называет «мета-обоснование». Следуя Л. Бонжуру: «Поскольку речь идет о мета-обосновании стандартов эмпирического знания, то никакие эмпирические посылки не принимаются, так как в этом случае сам стандарт будет (1) не обоснован, (2) включать логический круг либо (3) требовать еще один стандарт эмпирического обоснования. А значит, наш аргумент должен (have to) быть исключительно *априорным* по своей природе, и совершенно непонятно, каким образом этот априорный аргумент может сложиться» (с. 10). Отметим, что кроме детального анализа мета-обоснования в восьмой главе книга также содержит Приложение А «Априорное обоснование», а следующая большая книга Л. Бонжура называется «В защиту чистого разума. Рационалистская интерпретация априорного обоснования» (1998). Он понимает важность этой посылки, вопрос о том, что такое «априорное обоснование» и почему оно будет играть именно ту роль, которая ему тут отводится, – это хороший вопрос. Также отмечается вторая сложность, связанная с понятием мета-обоснования: «Предполагаемое мета-обоснование стандартов, по крайней мере в принципе, должно быть *доступно* субъекту. Как может факт, что убеждение удовлетворяет этим стандартам, дать основания субъекту для того, чтобы считать его с большой вероятностью (*highly likely to be*) истинным (что является эпистемически оправданным основанием для принятия убеждения), кроме как в ситуации, в которой он сам *знает*, что убеждения, удовлетворяющие этим стандартам, скорее всего истинны? Почему факт, что мета-обоснование может поддерживаться чем-то, что находится за пределами того, что субъект может когнитивно *схватить*, означает, что убеждение обосновано? Очевидно, сама идея схватывания достаточно растяжима, а значит, необходимы достаточно жесткие границы на то, что считать посылкой аргумента мета-обоснования, если мы говорим об эпистемологической теории, описывающей знание у актуальных людей» (Там же). Это четкий заход на интернализм: «Условия обоснования и их обоснованность должны быть доступны субъекту рефлексивно», к которому Л. Бонжур вернется в третьей главе и который будет играть большую роль во второй части книги.

заны быть эпистемически, что в нашем случае обозначает эвиденциально, «приводящими к истине». И конечно, в нашем приближении (которое предположительно разделяет Л. Бонжур) деонтологический характер обоснования сразу означает необходимость принять интернализм, ну или по крайней мере определенные тезисы, которые закрепляют правильные интерпретации «интерналистского эпистемического условия».

Регресс и базовые эмпирические убеждения

Вторая глава, по-видимому, содержит наиболее известные тезисы Л. Бонжура, в том виде, как они вообще могут быть известны самому широкому кругу читателей. Она одновременно посвящена и обоснованию необходимости фаундализма, который следует за исторически наиболее очевидным решением проблемы «эпистемического регресса», и обоснованию невозможности фаундализма – ключевому аргументу против существования базовых эмпирических убеждений. «Эмпирическое знание находится под угрозой бесконечного и неизбежного регресса эпистемического обоснования. Каждое убеждение обосновано, только если обосновано убеждение, на которое оно опирается. И если каждое новое обоснование *выводное* (inferential) по своей природе, то обоснование никогда не сможет закончиться и даже начаться. Исходный аргумент фаундалистов и заключается в том, что только приняв фаундализм, мы сможем избежать этого скептического заключения» (с. 19)⁸. И первый шаг, который делает Л. Бонжур, –

⁸ Сразу отметим, что проблема «инференциального» (выводного) характера обоснования (убеждения получают свой эпистемический статус посредством вывода, связывающего их с другими убеждениями) теоретически является одной из наиболее фундаментальных, из числа тех, которые затрагивает Л. Бонжур. По определению, и фаундализм, и когерентизм – это концепции обоснования, отличающиеся пониманием собственно *источника* обоснования. Формально же вопрос о природе «вывода, эпистемически соединяющего убеждения», может здесь даже и не ставиться. Однако этот вопрос важен. Не вдаваясь в детали, приведем лишь ряд замечаний Л. Бонжура, касающихся его понимания «инференциального характера» обоснования. Поскольку, конечно, сама проблема «вывода» в данном случае, на наш взгляд, для него является второстепенной. «Из соображений простоты я буду говорить об инференциальных и других логических отношениях, которые будут обозначать отношения между убеждениями, а не (как следовало бы) между пропозициями, которые принимаются. “Вывод” будет пониматься в самом широком смысле, как любое отношение между двумя пропозициями (или множествами пропозиций), когда *одна служит хорошим основанием для того, чтобы предположить истинность другой*. Отметим несколько важных моментов. Во-первых, вопрос о том, как убеждение обосновано (для субъекта в определенный момент времени), следует отличать от вопроса о том, как субъект пришел (arrive at) к этому убеждению. Это различие поднимает важный психологический вопрос о причинной структуре системы убеждений субъекта. В частности, несмотря на то что инференциально обосновываемые убеждения очень часто получают посредством умозаключения, нет никакой необходимости для них быть полученными именно так, для того чтобы считаться инференциально обоснованными. Например, убеждение может быть получено на ложном оптимизме (wishful thinking) и как следствие быть необоснованным. Однако если субъект каким-то образом впоследствии узнает о подходящем обосновании и продолжит придерживаться этого убеждения именно в силу этой информации, то убеждение будет обосновано независимо от того, как оно было получено. Во-вторых, мы не должны требовать, чтобы субъект, для которого убеждение обосновано, был в состоянии в точности повторить (rehearse) аргумент в его пользу ни себе, ни кому-либо еще. Воспроизведение такого аргумента – это роскошь, которую можно позволить только в редких случаях, – бессмысленно предполагать, что мы настоящему обоснованы только в этих случаях. Требуется, чтобы вывод был доступен (available), чтобы мы могли *в принципе* повторить его, если будут сомнения. Вывод – это актуальное основание принятия убеждения. Очень сложно задать достаточно строгий критерий основаниям именно как тому, на чем субъект принимает убеждение. Например, Харман (1973) говорит о том, что такие основания должны *объяснять*, почему субъект принимает убеждение, но это предположение приводит к проблеме переопределенности. Если субъект неожиданно построил обоснование какого-то произвольного убеждения, это не значит, что убеждение было обосновано до этого, – хотя так, очевидно, может быть, если полученные сейчас основания не заставят отказаться от убеждения. Как следствие, ошибкой будет считать регресс, о котором мы говорим, временным, каким бы он был, если бы мы действительно требовали того, что каждый обосновывающий аргумент должен быть представлен явным образом. В-третьих, с точки зрения здравого смысла мы очень часто принимаем, что знаем убеждения, обоснование которых еще только предстоит получить, для которых предполагаемый вывод не только

апелляция к структуре системы убеждений. «Среди множества вопросов, связанных со стандартами эпистемического обоснования, наиболее фундаментальный связан со *структурой* обоснования эмпирического знания. Очевидно, эпистемическое обоснование может переноситься (transfer) от одного убеждения к другому посредством вывода, но откуда обоснование приходит *изначально?*» (с. 16). Следуя Л. Бонжуру, общее представление об эпистемическом фаундализме включает как минимум два тезиса: а) некоторые эмпирические убеждения «непосредственно (immediate) или некоторым *внутренним* образом являются обоснованными, обладают (possess) соответствующей характеристикой» (с. 17) в том смысле, что их эпистемический статус не зависит от степени обоснованности других эпистемических убеждений; б) эти «базовые убеждения» являются источником обоснования *всего* эмпирического знания. Базовые убеждения обладают привилегированным эпистемическим статусом, который позволяет им играть уникальную роль в обосновании знания⁹. Очевидное преимущество наличия базовых убеждений

не приведен явно, но и не может быть сформулирован без значительных усилий, если вообще возможен. Например, я принимаю, что лист бумаги, на котором я сейчас пишу, – это тот же лист, который вчера лежал у меня на столе. И если это убеждение обосновано, то это обоснование будет по своей природе выводным. Как его получить? Можно поискать подходящие посылки, но любой достаточно адекватный аргумент (я надеюсь) должен обращаться к каким-то хорошим общим основаниям существования и индивидуации физических объектов, о которых я прямо сейчас могу не иметь никакого понятия. И если я потрачу достаточно времени на рефлексии, то, возможно, я смогу предложить более или менее адекватный аргумент. Однако любая пробная попытка не обязательно закончится успешно. Возможно, я слишком глуп, выбрал неудачные философские основания, или слишком невнимателен. В-четвертых, наконец, возможна ситуация, в которой аргумент будет предъявлен явно, но окажется слишком слабым для того, чтобы обеспечить необходимую степень обоснованности.

Я *не хочу* утверждать, что инференциальное обоснование *должно* быть адекватным просто потому, что с точки зрения здравого смысла те убеждения, которые мы обычно считаем знанием, обоснованы именно так. Наоборот, я готов настаивать на том, что подобная очень часто имплицитно присутствующая форма обоснования, – а также знание, которое мы выводим, опираясь на нее, – не самая хорошая аппроксимация того *идеала*, о котором мы говорим, когда говорим о явно представленном обосновании. И хотя разница между эпистемическим идеалом и его аппроксимацией может быть значительна и может вызывать скептические возражения, проблема регресса обоснования *в той же самой степени* касается и идеала, и аппроксимации, – у нас достаточно оснований рассматривать их как одну проблему. Независимо от постановки следующие утверждения (если их надлежащим образом интерпретировать) будут истинны: 1) существует (фактически) достаточно приемлемый (acceptable) вывод между пробным убеждением и его основаниями; 2) вывод доступен мне некоторым неявным (tacit) образом независимо от того, могу ли я его явно предъявить; 3) сам факт неявной доступности этого вывода является основанием для того, чтобы принять убеждение; 4) в силу всего этого мое убеждение достаточно обосновано для того, чтобы соответствовать заданным критериям (qualification) знания» (с. 19–20).

⁹ Не нарушая общности рассуждений Л. Бонжура и многих других сторонников фаундализма, в качестве повседневного определения базовых убеждений можно выбрать определение, которое приводит в своем учебнике М. Штойл: «Базовые убеждения обладают тремя характеристиками: а) они являются *невыводимыми* (noninferential), не выводятся из других убеждений; б) они *обоснованы*, их роль заключается в том, чтобы обосновывать другие убеждения; в) источник их обоснования *недоксастический* (nondoxastic), их источником обоснования не могут быть другие убеждения, поэтому, как правило, им являются перцепция, интроспекция или память, т.е. исходный опыт, который фаундалисты не отождествляют с убеждением» [Steup, 1996, p. 90–91]. Важно подчеркнуть то, что понятие (и соответствующее определение) базовых убеждений должно вводиться не просто так, а вместе с соответствующей концепцией фаундализма. «Общий тезис для всех версий эмпирического фаундализма – наличие эмпирических убеждений, обоснование которых *в какой-то степени* невыводимо, в том смысле, что antecedentом не могут быть другие эмпирические убеждения. Один из способов диффе-

заключается в том, что апелляция к ним дает возможность построить концепцию обоснования, в которой нет проблемы регресса.

На страницах «Второй аналитики» Аристотель формулирует аргумент в пользу существования «не демонстративного» знания: «Все, что мы знаем либо демонстративно (выведено из посылок), либо не демонстративно (не выводится из посылок). Если знание выведено из посылок, то мы должны знать посылки, потому что невозможно знать, опираясь на неизвестные посылки. И если знание этих посылок демонстративно снова, они должны выводиться из другого множе-

ренцировать различные версии фаундализма – посмотреть на степень невыводимости эпистемического обоснования базовых убеждений. В умеренном (*moderate*) фаундализме степень обоснованности базовых убеждений достаточна для того, чтобы удовлетворить условиям обоснования для знания. Тут базовые убеждения истинны и имеют статус знания (предположим, что здесь нет проблемы Гегье), а значит, могут выступать посылками обоснования других эмпирических убеждений. Это умеренная (*mild*) версия фаундализма. Исторически базовые убеждения задают гораздо более сильные классы убеждений» (с. 26). Акцент Л. Бонжура именно на «умеренной» форме фаундализма имеет смысл. Мы говорим об эмпирических убеждениях, а значит, вполне возможно, что различные классические интерналистские способы задания эпистемического статуса базовых убеждений тут не будут работать. Не говоря уже о том, что каждый из способов задания «привилегированного эпистемического статуса» (естественно, кроме требования «не получать обоснование от других убеждений») также может вызывать вопросы. Как отмечает М. Штойп, «базовые убеждения не могут быть ни теми, в которых «нет оснований сомневаться» (*indubitable*), ни теми, для которых «не существует обстоятельств, в которых субъект, обладая убеждением этого типа, ошибается» (*infallible*), ни несомненными (*certain*). «Я существую» как интеллектуальная интуиция у Декарта, – это пример несомненного убеждения. Фаундалисты могут сказать, что убеждение «Этот объект красный» будет базовым, так как получает обоснование от данных органов чувств – недоксастическим способом, а не от других убеждений. Однако что если я надену красные очки, тогда у меня будут все основания сомневаться в том, что это убеждение истинно. То же «Я существую» – это также пример безошибочного убеждения. И то же «Этот объект красный» также не будет безошибочным. Предположим, что это белый объект, на который падает красный свет, но я об этом не знаю. По определению, «несомненность» – это максимально возможный эпистемический статус. «Этот объект красный» не будет несомненным, поскольку есть «Я существую» или «два плюс два равно четыре», которые, очевидно, обладают более сильным эпистемическим статусом» [Steup, 1996, p. 100–101]. Все это предмет серьезной дискуссии (см. сноски 12 на с. 26, примечания на с. 27). Показательно заключение, которое делает Л. Бонжур: «Ничего из того, что фаундалисты могут предложить как решение проблемы регресса, не требует того, чтобы базовые убеждения были бы более чем *адекватно* обоснованы. Пока не будут предъявлены основания обратного, вопрос о том, являются ли базовые убеждения безошибочными, будет относительно не важен. Обсуждение таких сильных, но не существенных утверждений только отвлекает от главного вопроса: является ли фаундализм вообще допустимым (*acceptable*). Альтернатива анализу внутреннего и невыводимого обоснования – предположить, что сами по себе базовые убеждения не обладают статусом, достаточным для того, чтобы считаться знанием, а значит, они не могут быть посылками в обосновании других убеждений, – они лишь «изначально заслуживающие доверия» (*initially credible*). Это *слабый фаундализм*. Первый, кто защищал эту точку зрения, был Бертран Рассел, потом Нельсон Гудмен, из современных авторов Родрик Ферт, Израиль Шефлер и возможно Николас Решер. Слабый фаундализм – это все равно фаундализм, но он существенно отличается от исторически более ортодоксальных версий. Здесь регресс не может закончиться после того, как мы достигли базовых убеждений. И решение, как вариант, это свести обоснование и базовых и не-базовых убеждений к понятию когерентности. Даже утверждается, что если у нас есть достаточно большая и когерентная система убеждений, в которой большая процент убеждений являются «изначально заслуживающими доверия» базовыми убеждениями, тогда обоснование всех убеждений внутри системы – базовых и не-базовых – можно увеличить до степени, соответствующей знанию; при этом достижение высокой степени когерентности системы может привести к тому, что какие-то базовые убеждения больше такими не будут. Это промежуточная форма между умеренным фаундализмом и когерентной теорией. Мое представление о когерентизме в определенной перспективе можно представить как очень ослабленную (*attenuated*) версию слабого фаундализма, но в то же время оно радикально от него отличается» (с. 28).

ства посылок, которые в свою очередь могут быть демонстративными, или нет. Тогда наше знание либо выведено из бесконечного множества посылок, либо в конечном итоге укоренено (grounded) в не демонстративном знании. Однако нельзя вывести знание из бесконечного множества посылок. А значит, если мы вообще что-то знаем, то какая-то часть нашего знания должна быть не демонстративной» (Цит. по [Steup, 1996, p. 93])¹⁰. Можно сказать, что это и есть каноническая интерпретация аргумента «от регресса». Заметим, «бесконечный регресс» здесь по определению полагается чем-то плохим. И очевидно, существует прямая связь между не демонстративным знанием и базовыми убеждениями. Если нечто известно не демонстративно, то убеждение, относящееся к этому не демонстративному знанию, не может быть обосновано посредством других убеждений, относящихся к демонстративному знанию, а значит – оно по крайней мере является кандидатом на роль базового убеждения¹¹. В этом смысле базовые убеждения могут остановить регресс. Более того, во-первых, мы вообще не можем говорить об обоснованности, если базовых убеждений не существует, и во-вторых, отсюда становится понятно, почему Л. Бонжур настаивает на том, что базовые убеждения должны быть обоснованы, но при этом не должны получать обоснования от других убеждений. Если базовые убеждения – это убеждения, которые останавливают регресс, то они должны обосновывать другие убеждения, но сами получать обоснование от других убеждений не должны. Также приведем ряд моментов, касающихся регресса и базовых убеждений, которые, на наш взгляд, слабо отмечены у Л. Бонжура: а) в общем случае фаундализм не предполагает, что *каждое* базовое убеждение останавливает какой-то регресс. Если убеждение получает обоснование от других по цепочке, предполагающей «перенос» обоснования,

¹⁰ М. Штойп отмечает, что данная цитата есть реконструкция (насколько вольная?) нескольких строк из 1 и 2 глав первой книги Второй аналитики. И естественно, как всегда с Аристотелем, – никогда не пытайтесь найти аналоги в русскоязычных текстах. Сравните несколько строк из перевода Дж. Барнса, второе издание 1994 года, отрывок 71b15: «Here we assert that we do know things through demonstrations. By demonstration I mean a scientific deduction; and by scientific I mean a deduction by possessing which we understand something» и перевод с греческого Б.А. Фохта 1952 года: «<Здесь> же скажем, что знаем <предмет> также и посредством доказательства. Доказательством же я называю силлогизм, который дает знание. А <силлогизм>, который дает знание, я называю такой, посредством которого мы <вещь> знаем потому, что мы его имеем». Мы не говорим о том, что читать Аристотеля должно быть просто, нет, – некоторая, порой достаточно серьезная «опережающая подготовка», конечно же, требуется. Однако очень часто встречаются ситуации, когда если вы знаете, что искать, то вы это найдете, в противном случае – нет. Воистину: «Платона и Аристотеля нужно читать на языке оригинала – на английском» (с) В.Н. Карпович.

¹¹ Как отмечает М. Штойп: «Аргумент Аристотеля легко можно превратить в аргумент в пользу существования базовых допущений. Пусть убеждение В1 обоснованно, оно либо базовое, либо не базовое. Если не базовое, тогда должно существовать убеждение В2, которое обосновывает В1. Для того чтобы В2 обосновывало В1, оно должно быть обосновано. Если В2 не базовое, тогда должно существовать убеждение В3, которое обосновывает В2. И поскольку В3 само должно быть обосновано, то оно либо базовое, либо должно существовать убеждение В4, которое обосновывает В3. Этот регресс либо остановится на базовых убеждениях, либо продолжится до бесконечности. А значит, допустив, что В1 обосновано, регресс должен где-то остановиться» [Steup, 1996, p. 94]. Аналогичные рассуждения приводит и Л. Бонжур. Мы приводим здесь рассуждения М. Штойпа, апеллирующего к Аристотелю, но только для того, чтобы еще раз подчеркнуть фундаментальность затронутой Л. Бонжуrom проблемы, но и затем, чтобы зафиксировать каноническое прочтение аргумента «от регресса», который, конечно же, на наш взгляд, следует начинать именно с этих рассуждений Аристотеля.

то именно эта цепочка должна оканчиваться базовым убеждением; б) в общем случае фаундализм не предполагает, что обычные, не базовые убеждения всегда обосновываются *единственной* цепочкой, предполагающей «перенос» обоснования, – таких цепочек, передающих обоснование данному убеждению, много. Наконец, в) ошибочно думать, что фаундализм является *единственным* адекватным ответом на проблему регресса. Решение проблемы регресса может быть аргументом в пользу скептицизма. Аргумент в пользу существования базовых убеждений начинается с предположения, что наше пробное убеждение обосновано, но скептик будет отрицать это допущение. С точки зрения скептика та интерпретация преодоления регресса, которую приводит фаундалист, лишь показывает, что если существуют обоснованные убеждения, тогда существуют и базовые убеждения, – хотя на самом деле обоснованных убеждений нет. Естественно, с точки зрения фаундалиста подобное скептическое рассуждение лишь показывает, что если не существует базовых убеждений, то не существует и обоснованных убеждений. Тот факт, что скептик может обратить анализ проблемы регресса в свою пользу, показывает, что фаундалист обязан по крайней мере привести независимые основания в пользу того, что пробное убеждение обосновано и что вообще существуют обоснованные убеждения.

Рассматривая различные варианты ответа на проблему регресса Л. Бонжур замечает, что «существуют четыре основные логические возможности: (1) регресс может закончиться убеждением, для которого нет обоснования; (2) регресс может бесконечно продолжаться “назад”, ни одно из убеждений в цепочке не повторяется, и их последовательность не заканчивается; (3) регресс может вернуться назад (*circle back*), если цепочка продолжается достаточно долго, то убеждения, которые ранее уже выступали в роли посылок (и были соответствующим образом обоснованы), снова могут выступать в роли обосновывающих посылок; (4) регресс остановится, если достигнуты базовые эмпирические убеждения, обоснование которых не зависит (*not inferentially dependent*) от других эмпирических убеждений» (с. 21). Примечательно то, что, судя по всему, Л. Бонжур готов рассматривать инфинитизм, но даже умеренная скептическая позиция (например, как вариант натуралистической рецепции контингентности эмпирического знания) не рассматривается¹². И естественно, наиболее интересный

¹² Сложно сказать, насколько популярной доктриной является инфинитизм. По определению: «Суть инфинитизма в том, что структура обоснования бесконечна и не повторяется. Основная цель – построить хорошую концепцию рациональных убеждений, т.е. убеждений, опирающихся на рациональные основания, поскольку две ближайшие альтернативы – фаундализм и когерентизм не справились. Тот факт, что фаундалисты принимают основания, для которых, по сути, нет дальнейших оснований, говорит о том, что выбор оснований является произвольным; иногда нам даже лучше выбрать противоположные (*contrary*) основания тем, которые были выбраны, и ничего, по большому счету, не изменится. Традиционный когерентизм плох тем, что постоянно уходит от ответа на вопрос, что такое обоснование, а его более подходящие (*plausible*) формы – это скрытые формы фаундализма. И фаундализм, и когерентизм парадоксально ведут к выводу, что рациональное знание невозможно, поскольку они предполагают возможность того, что убеждения *основываются* (*based*) на *адекватных основаниях* (*reasons*). Напротив, в инфинитизме знание возможно, потому что структура обосновывающих оснований отвечает требованию *обладания* (*possession*) рациональным убеждением. Лучшее основание предположить, что убеждение обосновано, – это допустить, что структура обоснования бесконечна и не повторяется. Во-первых, именно основания (а не различные причинные условия, соотносимые с убеждением) участвуют в обосновании убеждения. Во-вторых, последовательность

момент связан с тем, как Л. Бонжур раскрывает вариант (3), поскольку, по сути, это и есть когерентизм, который он хочет обосновать: «Единственный очевидный способ для сторонника альтернативы (3) – это принять холистическую и нелинейную концепцию обоснования. Если все возможные регрессы обоснования образуют замкнутые кривые, тогда множество эмпирических убеждений будет представлять собой замкнутую (closed) относительно обоснования и конечную эпистемическую систему. В такой системе нет отношений эпистемического приоритета и очередности между убеждениями, нет линейного порядка эпистемической зависимости, – вместо этого присутствует взаимная зависимость убеждений друг от друга внутри системы. Основной единицей обоснования здесь будет сама система и ее внутренняя связность (coherence); обоснование будет производным (derivative) от места убеждения внутри системы. Аналогичных взглядов на обоснование эмпирического знания придерживались Отто Нейрат и Карл Гемпель» (с. 24). Именно такую концепцию обоснования хочет построить Л. Бонжур. Примечательно то, что тут же, замечая, что «когерентистская теория редко когда разрабатывалась достаточно подробно» и что «подобная теория всегда будет объектом сокрушительных возражений, даже если удастся построить концепцию холистического и нелинейного обоснования, проблематичную саму по себе», он приводит три критических замечания: «Во-первых, независимо от того, насколько высоки стандарты, устанавливающие когерентность, у нас будет бесконечное число систем убеждений, которые будут удовлетворять этим стандартам, и теория не поможет выбрать произвольным образом какую-либо одну из них. Во-вторых, такое эмпирическое знание будет лишено (deprive) любого контакта с неконцептуальным миром, что делает крайне маловероятным, что оно точно опишет этот мир. Если обоснование зависит только от внутренних отношений между компонентами системы, то любое соответствие с внешним миром будет исключительно случайным, – с точки зрения приведенного понимания мы не сможем говорить об эпистемическом обосновании. В-третьих, такая теория не сможет установить необходимую связь между обоснованием и истинностью, разве что представит истинность в когерентистской манере, но это не имеет смысла» (с. 25). Именно эти три замечания будут периодически встречаться в книге как основные проблемы предполагаемой когерентистской концепции обоснования эмпирического знания и когерентизма как такового (см., например: с. 107–108, с. 139, с. 157 и др.). Естественно, Л. Бонжур надеется вернуться к когерентизму после того как покажет, что фаундализм не работает: «Как любой аргумент “по элиминации”, наше решение, что фаундализм является очевидным выходом из затруднения, продиктованного проблемой регресса, не может быть окончательным до тех пор, пока мы внимательно не посмотрим на оставшиеся альтернативы. Фаундализм может иметь проблемы достаточно серьезные для того, чтобы вернуть нас к когерентизму» (Там же). Тем самым

(chain) оснований не может закончиться произвольным (arbitrary) основанием, – для которого нет других оснований» (курсив наш. – Н. Г.) [Klein, 1999, p. 297–298]. На наш взгляд, в данном случае инфинитизм является ничуть не более «странным» вариантом, чем скептицизм. Тем более что соответствующим образом подобранный аргумент «от мета-обоснования», возможно, даже аналогичный тому, который приводит Л. Бонжур для своего когерентизма, точно так же может работать и в этом случае.

Л. Бонжур переходит к без малого «всемирно известному» аргументу против существования базовых эмпирических убеждений:

«(1) Предположим, что существуют базовые эмпирические убеждения, т.е. эмпирические убеждения, которые (а) эпистемически обоснованы, (б) их обоснование не зависит от других эмпирических убеждений;

(2) Для того чтобы убеждение было эпистемически обосновано необходимы основания того, чтобы считать его скорее всего (likely to be) истинным;

(3) Для того, чтобы убеждение было эпистемически обосновано для конкретного человека, необходимо, чтобы человек находился в состоянии когнитивного обладания (cognitive possession) этими основаниями;

(4) Единственный способ находиться в состоянии когнитивного обладания этими основаниями – это принять вместе с обоснованием соответствующие посылки, из которых следует, что убеждение скорее всего истинно;

(5) Посылки такого аргумента, обосновывающего эмпирическое убеждение, не могут быть все априорными, хотя бы одна из них должна быть эмпирической.

Тогда обоснование предполагаемого базового эмпирического убеждения должно зависеть от обоснования по крайней мере одного другого эмпирического убеждения, что противоречит (1). Это значит, что базовых эмпирических убеждений не существует» (с. 32).

Основанием аргумента является мысль о том, что раз мы говорим именно об эмпирических убеждениях, то сложно представить, каким образом эмпирическое убеждение можно обосновать исключительно априорно¹³. Более того, в первой главе Л. Бонжур, рассуждая о нормативности обоснования, четко фиксирует, что обоснование не существует абстрактно, оно существует для субъекта: «представление о когнитивном обладании (cognitive possession) обоснованием, т.е. соответствующими посылками и пониманием, что эти посылки обоснованы для него, необходимо, потому что субъект не может быть эпистемически ответственным в принятии убеждения, если у него нет доступа (access) к обоснованию;

¹³ По определению, обоснование – это приведение оснований в пользу истинности убеждения. И это значит, что базовые эмпирические убеждения должны обладать характеристикой: «Если убеждение базовое, то сам этот факт является основанием считать, что оно истинно». «Пусть ϕ – это характеристика, которая отличает базовые эмпирические убеждения от других. Тогда эмпирическое убеждение B будет базовым, если должным образом будут обоснованы посылки следующего аргумента:

(1) B обладает характеристикой ϕ .

(2) Убеждения, обладающие характеристикой ϕ , с большой вероятностью являются истинными. Тогда B с большой вероятностью истинно.

Вполне возможно, что хотя бы одна из двух этих посылок будет обоснована априорно, но сомнительно, что сразу обе. B – это эмпирическое убеждение, и сложно представить, как оно может быть обосновано исключительно априорно. Более того, B обосновано для какого-то субъекта. В первой главе мы говорили о том, что субъект не может быть эпистемически ответственным, если у него нет доступа к обоснованию, в противном случае у него нет оснований считать, что убеждение с большой вероятностью истинно. Но если это так, то B не является базовым, поскольку его обоснование зависит от по крайней мере еще одного эмпирического убеждения. Аналогичный аргумент может показать, что и слабый фундаментализм является несостоятельным» (с. 31). Отметим, что приведенная форма анализа «характеристики» в виде аргумента (1)–(2) не является самоочевидной. И тот факт, что впоследствии Л. Бонжур будет неоднократно прибегать к подобным рассуждениям, на самом деле может быть основанием предположения, что в построениях Л. Бонжура есть тонкие места, касающиеся не только выбора «предпочтений» или расстановки «противоборствующих позиций», но и самой привлекаемой логики рассуждений.

иначе у него нет оснований думать, что убеждение скорее всего истинно» (с. 31). В данном случае и фаундализм, и когерентизм – это два варианта именно интерналистской концепции обоснования¹⁴.

С другой стороны, чтобы защитить себя, фаундалисты должны опровергнуть одну из посылок аргумента. И Л. Бонжур заканчивает вторую главу, указывая на то, чему будут посвящены третья и четвертая главы. Посылка (3) фактически заставляет нас принять интернализм. Однако, «хотя действительно необходимо, чтобы обосновывающий аргумент был в каком-то смысле доступен, – в то же время нет необходимости, чтобы субъект знал (обладал обоснованным убеждением или вообще соответствующим убеждением) посылки этого аргумента. Достаточно того, чтобы посылки были истинными» (с. 32). Это экстернализм. Убеждение обосновывает соответствующее множество фактов, которые являются внешними по отношению к тому, как именно субъект когнитивно схватывает ситуацию. Третья глава посвящена обсуждению возможности экстерналистской версии фаундализма. Но есть и другая традиция, которая, очевидно, более фундаментальная сама по себе и наверняка гораздо чаще сопутствует фаундализму, чем экстернализм. «Представление о том, что обоснование не только должно существовать, но и субъект должен находиться в определенном *когнитивном состоянии*, в котором это обоснование ему доступно, противоречит послылке (4). Когнитивное схватывание (*grasp*) субъектом посылок не предполагает присутствия других эмпирических убеждений, требующих обоснования. Когнитивное схватывание включает более рудиментарные когнитивные состояния, которые сами по себе обоснования не требуют, несмотря на то что могут предоставлять (*confer*) обоснование убеждениям. Именно эти рудиментарные когнитивные состояния и являются источниками обоснования. Базовые убеждения являются *убеждениями*, но не базовыми *когнитивными состояниями*, такими как интуиция, непосредственное понимание (*apprehension*), прямое восприятие (*awareness*) и др. Объекты, отвечающие этим состояниям сознания, обладают “данностью” (*given*)» (с. 33). Четвертая глава посвящена обсуждению «непосредственной данности» эмпирического, а также возможности исключительно априорного обоснования базовых эмпирических убеждений. Обе эти главы заслуживают того, чтобы выступать отдельными, самостоятельными произведениями, достаточно полно раскрывающими соответствующие аспекты важных для Л. Бонжура тем.

Фаундализм и экстернализм

Л. Бонжур потратит достаточно много времени на то, чтобы показать несостоятельность экстернализма. «Меня беспокоит вопрос более фундаментальный, чем частные проблемы той или иной версии экстернализма, – можно ли принять экстернализм как решение проблемы регресса или как базис фаундалистской теории эмпирического знания? Экстерналистский ответ на затруднения фаун-

¹⁴ Речь идет о «канонической» установке, с которой Л. Бонжур начинает свой анализ. В общем случае это не обязательно так. Чуть ниже сам Л. Бонжур будет анализировать экстерналистские версии фаундализма. Также хорошо известна экстерналистская когерентистская концепция Гильберта Хармана.

дализма предполагает, что субъект, для которого данные убеждения являются базовыми, *не должен* когнитивно схватывать основания, следуя которым базовые эмпирические убеждения с большой вероятностью являются истинными (или даже, зависит от версии, гарантированно истинными), – что отрицает посылку (3) приведенного выше аргумента. Эпистемическое обоснование базовых эмпирических убеждений следует из отношения, причинного или номологического по своей природе, между субъектом и миром. Такое обоснование не зависит от субъективного понимания ситуации, не включает другие убеждения или когнитивные состояния, т.е. нет оснований для регресса. Оно и является основанием для принятия убеждения как базового, но *только для того, кто о нем знает*» (с. 34)¹⁵. Вердикт окончательный: «Экстернализм выбивается из всей эпистемологической традиции. До недавнего времени никто не полагал, что убеждения могут быть эпистемически обоснованы в силу фактов, внешних по отношению к субъекту. Декарт точно не был бы впечатлен предположением, что убеждения

¹⁵ Приведем несколько определений. В статье «Экстернализм/Интернализм» Л. Бонжур отметит: «Теория обоснования интерналистская, если *все* факторы эпистемического обоснования для данного субъекта *когнитивно доступны*, внутренние для его когнитивной перспективы; и экстерналистская, если какие-то факторы недоступны субъекту, являются внешними для его когнитивной перспективы. Очень часто это деление используется без четкой экспликации позиций» (см.: Bonjour L. Externalism/Internalism // J. Dancy, E. Sosa, M. Steup (eds.) A Companion to Epistemology. Wiley-Blackwell, 2010. P. 364–368, p. 364). Майкл Уильямс: «Суть экстернализма – приводить к знанию, когда выполнены определенные условия, независимо от того, знает ли субъект о том, выполнены они или нет. Эти условия могут быть “внешними” не только потому, что они не представлены в сознании субъекта, но и *в связи с тем, как они находят отражение в актуальной ситуации*. Достижение знания, точно так же как любая другая способность (sarcacity), частично зависит от способностей (powers) субъекта и частично – от обстоятельств, в которых ему приходится их проявлять (exercise)» [Williams, 1991, p. 319]. Барри Страуд: «экстернализм объясняет знание в терминах условий доступных с “внешней” – в смысле *от третьего лица* – точки зрения, независимо от того, как связаны субъект и эти условия» (см.: Stroud B. Understanding Human Knowledge in General // B. Stroud (auth). Understanding Human Knowledge: Philosophical Essays. Oxford University Press, 2000, P. 99–121, p. 111). Дэвид Армстронг: «Обоснование базового убеждения зависит от внешнего отношения между субъектом (и его убеждением) с одной стороны и миром с другой, *определяемым законоподобной связью*: должна существовать законоподобная (law-like) связь между положением дел $V_a p$ [*a* принимает *p*] и положением дел, в котором “*p*” истинно, в том смысле, что если $V_a p$, то (must be the case) “*p*”» [Armstrong, 1973, p. 166]. Подчеркнем важность того, что, как правило, экстернализм апеллирует к *причинной или номологической* связи между субъектом и миром. Последний пример Д. Армстронг называет «модель-термометр» невыводимого знания. В том же самом смысле, как показания термометра отражают температуру, базовые убеждения отражают положения дел, которые буквально «делают их истинными». Если убеждения субъекта удовлетворяют этому (или аналогичному) условию, то мы получаем достоверный «когнитивный процесс», и именно в силу объявленной «достоверности» базовые убеждения будут обоснованными.

И есть еще один важный момент. В 1967 году Алвин Голдман напишет статью «Причинная теория знания», которая начнется интересным замечанием: «С тех пор как Эдмунд Гетье недавно напомнил о неадекватности традиционного анализа “*S* знает, что *p*”, было предложено несколько попыток сделать его более корректным. В этой работе я предложу еще один вариант, который *отводит* (avert) проблему Гетье. Предмет моего исследования – знание эмпирических пропозиций, поскольку я думаю, что традиционный анализ адекватен для знания не-эмпирических истин» [Goldman, 1967, p. 357]. Цитата четко показывает, что А. Голдман понимает, в чем суть проблемы Гетье (и конечно, речь не идет ни о какой «каузальной теории познания», как воображают некоторые авторы). Нам необходима *содержательная* связь между обоснованием и истинностью, которую он видит именно как «причинную» (которая, конечно же, является именно содержательной, а не формальной связью): «Один момент упущен, – это причинная связь между фактом, который делает *p* истинным и убеждением Смита, что *p*» [Ibid., p. 358]. При прочих равных, это экстернализм.

о внешнем мире являются обоснованными в силу того, что существует отношение между субъектом и внешним миром, задаваемое в терминах причинных или номологических связей, закрепляющее (*ensure*) истинность этого убеждения. Поколения философов, следовавших за ним, полагали, что такое отношение может играть роль в обосновании, но только если субъект *уже* обладает адекватными основаниями, закрепляющими то, что это отношение выполняется (*obtain*). Экстернализм не релевантен классическим постановкам основных эпистемологических вопросов. И вместе с рядом других, как правило, “аналитических” подходов, *неадекватно* представляет себе проблемы, на решение которых нацелен» (с. 36)¹⁶. Заканчивается третья глава несколькими интересными примерами. Подчеркивая, что хорошая стратегия опровержения экстернализма должна начинаться с поиска оснований, которые принял бы сам условный экстерналист, Л. Бонжур анализирует целый ряд аргументов, которые сами экстерналисты приводят в пользу своих же концепций¹⁷. И поскольку он принимает деление интернализм/экстернализм

¹⁶ Как отмечает М. Уильямс, экстернализм так и не справится с главной проблемой – проблемой скептицизма: «Переход к экстернализму *не означает*, что мы разорвем связь между знанием и обоснованием и тем самым поставим скептицизм в неудобное положение. Все зависит от того, что мы ожидаем в данном случае от новой логики ответа на вопрос о возможности знания. Сам по себе экстернализм не показывает дорогу, как обойти скептицизм. Одна часть проблемы связана с тем, что это “показать дорогу” напрямую апеллирует к обоснованию. Показать, что знание возможно, – это предоставить самому себе основания думать, что мы “находимся в позиции” (термин Э. Соса. – Н. Г.) знать; в случае экстернализма это значит предоставить основания, что мы в позиции удовлетворять экстерналистскому условию. В этой ситуации скептик, вместо того чтобы атаковать возможность знания, будет атаковать обоснование нашего убеждения, что мы можем знать. При переходе к экстернализму скептицизм не исчезает, он переходит на другой уровень аргументации. И вопрос, что делать с новым скептическим аргументом, должны быть решены *до того*, как мы примем экстернализм. Другая часть проблемы заключается в том, чтобы понять, чему именно препятствует скептицизм. Под угрозой объяснение того, как возможно для нас вообще что-то знать о внешнем мире. И мы не сможем объяснить это, обращаясь к теории, которая сделала некоторое актуальное отношение между субъектом и внешним миром составной частью представления о знании. Как можно быть уверенным в том, что это отношение достигается (*obtain*)? Если мы заранее не предположим, что мы знаем, достигается ли это отношение, мы не сможем объяснить, знаем ли мы что-то о внешнем мире. Но мы *еще не дали* себе оснований предположить, что это отношение достигается, а значит, наше объяснение будет неполным (*incomplete*). И даже если мы просто согласимся (*just help ourselves*) с тем, что мы можем знать, что это отношение достигается, мы все равно не сможем объяснить, знаем ли мы что-то о внешнем мире. Мы будем апеллировать к некоторому предположительному (*putative*) знанию, просто отвечающему исходной установке, а значит – не полному. Все это позволяет согласиться с тем, что “просвещенные” экстерналистские концепции знания оставляют скептицизм не тронутым» [Williams, 1991, p. 97–98]. В то же время можно представить, что на это могли бы ответить экстерналисты. Почти наверняка с их точки зрения вся эта «невозможность преодолеть скептицизм» является выдуманной проблемой, поскольку мы изначально ставим себя в неудобные рамки: мы ошибочно предполагаем интернализм чем-то самоочевидным и само собой разумеющимся. Если бы мы изначально не предполагали интернализм, то никакой соответствующей скептической проблемы тут даже и не возникло бы, поскольку скептицизм здесь направлен против обоснования, которого нет именно в интернализме.

¹⁷ К сожалению, мы не можем разобрать здесь все примеры в пользу экстернализма, которые приводит Л. Бонжур (и настоятельно рекомендуем сделать это самостоятельно). Приведем лишь один, на наш взгляд, чрезвычайно показательный. Вот так звучит претензия: «только экстерналистская теория может разрешить парадокс лотереи» (с. 53). Учитывая большое количество возможных интерпретаций, Л. Бонжур акцентирует внимание на том, как экстерналист отвечает на вопрос: «какая степень эпистемического обоснования требуется для того, чтобы считать (*qualify*) убеждение знанием при условии, что другие необходимые условия уже выполнены» (Там же). Д. Армстронг, на которого ссылается Л. Бонжур, отмечает: «Мы анализируем невыводимое (*non-inferential*) знание в терминах

как дихотомию, то общий вывод также немного предсказуем: «Можно понимать экстернализм как отрицание (abandoning) традиционного представления об эпистемическом обосновании, а вместе с ним и традиционного понимания знания.

законоподобного (law-like) отношения между убеждением и миром. Мы покажем, что это отношение является необходимым условием невыводимого знания и что других необходимых условий – нет, а значит, оно является необходимым и достаточным. Хорошо известен слоган: “Если вы знаете, то вы не можете ошибаться”. Современная философия запрещает выводить “Если Kp , то с необходимостью p ” из “ Kp следует p ”. Это неверно, если в данном случае для того чтобы знать p оно должно быть необходимо истинным. Это также неверно, если для того чтобы знать p , мы должны находиться в некотором состоянии сознания, которое по своей внутренней природе делает логически необходимым p . Именно это привело нас к совершенно бесполезным представлениям о логически несомненных (indubitable) и самоочевидных истинах. Но есть и третий способ прочесть “Если Kp , то с необходимостью p ”: “Знание – это состояние сознания, в котором именно необходимость законоподобных отношений закрепляет (ensure) p ”, и именно так мы понимаем природу невыводимого знания» [Armstrong, 1973, p. 188]. В этом примере есть все, что не нравится Л. Бонжуру в экстернализме. Ответ Л. Бонжура включает практически каноничный пример в сеттинге Злого Демона: «Агата знает, что участвует в эксперименте, в котором у 99 человек восприятие не будет изменено и они будут видеть чашку на столе, а у 1 человека восприятие будет изменено, но он также будет “видеть” чашку на столе. Знает ли она, обоснована ли она эпистемически в достаточной степени в том, что она видит чашку? С точки зрения экстерналиста, она обоснована и знает. У нас есть полное “объективное” описание ситуации, в которой находится Агата, и относительно этого описания мы и говорим, что с номологической точки зрения она несомненно уверена (certain) (имеется в виду эпистемический статус соответствующего убеждения. – Н. Г.), а значит убеждение истинно. Но это ошибка» (ст. 56). Является ли соответствующее убеждение Агаты эпистемически обоснованным именно в той степени, чтобы считаться знанием? Если Агата знает, что она видит чашку, то она также знает, что она не одна из тех, чье чувственное восприятие изменено. Этот пример Л. Бонжура точно следует прочесть тем, кто искренне считает, что «Мозг в баре» действительно содержательный и конструктивный скептический аргумент против эмпиризма. Проблема в том, что Агата не знает, что она видит чашку. Точно так же, как любой купивший лотерейный билет не знает, что билет ничего не выиграл. «Принимая во внимание сокровенную (intimate) связь между эпистемическим обоснованием и подобием (likelihood) истине, действительно может показаться, что мы можем принять вероятность истинности как показатель степени эпистемической обоснованности. Это отражает традиционное представление о том, что “знание требует несомненности (certain) в том, что убеждение истинно относительно приводимого обоснования”. И как только мы станем понимать подобие истине относительно имеющихся данных как утверждение, что показатель вероятности, что данное утверждение истинно, должен превышать какое-то наперед заданное значение, – тут же появляется парадокс лотереи. Следуя Армстронгу, факторы, обосновывающие эмпирические убеждения, утверждающие, что убеждение истинно, определяются в терминах номологической несомненности (“несомненность” здесь понимается в смысле номологической модальности в смысле необходимости удовлетворения законам, в данном случае законам природы, которые Д. Армстронг в этом примере трактует в терминах теории вероятностей. – Н. Г.). Экстерналистское обоснование не обязано быть когнитивно схвачено субъектом. У нас есть *какое-то* понимание субъекта, есть какой-то истинный закон природы, и они вместе закрепляют (ensure) истинность убеждения. В канонической же постановке мое перцептуальное убеждение, что передо мной чашка, не является несомненным относительно данных, которые у меня есть. И, конечно, есть что-то подозрительное (fishy) в апелляции к теоретической гарантии истинности, которая, совершенно очевидно, никогда на практике не достигается. К тому же такой ход рассуждений создает непреодолимые (insuperable) трудности для того, чтобы зафиксировать знание общих и теоретических утверждений» (с. 55).

Предположим, мы примем решение, что «для того, чтобы считать убеждение знанием, вероятность его истинности относительно обоснования должна быть 99 % и выше». У нас есть сто лотерейных билетов и только один выигрышный. Составим множество утверждений вида «билет номер n проиграет». Вероятность истинности каждого такого утверждения 99 %. А значит, если субъект принимает означенный критерий знания, то в каждом случае он будет знать, что это утверждение истинно. И тогда, «опираясь на два не самых тривиальных, но на первый взгляд разумных (reasonable) допущения: первое, если у субъекта есть основания считать адекватно обоснованными каждую из пропозиций на данном множестве, то он может считать их конъюнкцию адекватно обоснованной; второе,

Если они *не хотят* сказать, что убеждения, удовлетворяющие экстерналистским условиям, являются *эпистемически обоснованными*, то тогда возражений нет»

если у субъекта есть основания считать адекватно обоснованной данную пропозицию, то у субъекта есть основания считать адекватно обоснованной любую пропозицию, следующую (entail) из нее, – субъект будет адекватно обоснован в том, что ни один билет не выиграет, что противоречит исходной постановке задачи» (с. 54). Здесь можно вспомнить работы нескончаемого числа авторов, предлагающих аргументы «за» и «против» как принципа замыкания, так и принципа агломерации (Р. Фелдман, Р. Фогелин, Р. Фумертон, Дж. Вогель, С. Хаак и др.), – которые, как и все проблемы вывода в данном случае, могут быть предметом отдельного исследования. Конечно же, заключение ошибочно, – интуитивно понятно, что субъект не знает, что любая из означенных пропозиций является истинной. Если я покупаю лотерейный билет, то я не знаю, что проиграю, даже если фактически окажется, что я проиграл. Но как это показать? Один вариант – сослаться на то, что по своей природе мы можем знать истинность того или иного эмпирического утверждения независимо от того, насколько вероятным (как в эпистемическом, так и в метафизическом смысле) оно является. Другой вариант Л. Бонжур приводит в примечаниях, ссылаясь на Энтони Андерсона: «То, что объединяет парадокс лотереи и пример с Агапой, это наличие большого числа альтернативных возможностей, относительно которых субъект *знает*, что по крайней мере одна из них будет реализована, но он не знает какая. По условиям задачи не существует релевантного способа различать возможности до окончания испытания, поэтому нельзя обосновать убеждение, нельзя знать, что какая-то конкретная возможность не будет реализована, даже несмотря на то что вероятность этого может быть сколько угодно большой. Мы не можем сказать, что мы знаем не просто потому, что вероятность истины относительно приводимого субъектом обоснования меньше, чем значение вероятности, которое отвечает статусу “несомненный” для данной задачи, но также потому, что субъект знает, что одна из этих высоко вероятных ситуаций, отвечающих какой-то из конкретных возможностей, ложная, хотя он и не знает какая. Именно это дополнительное знание, а не просто отсутствие “несомненности”, и препятствует тому, что мы можем сказать, что субъект знает. Очень часто внимание обращают только на то, что обоснование, которое есть у субъекта, не дает несомненности истинности убеждения, а не на наличие дополнительного знания» (с. 236).

На наш взгляд, то, о чем говорит Э. Андерсон, условно можно соотнести с ошибочностью логики рассуждения в «скептическом аргументе от ошибки» (см., например: [Головкин, 2007]). У нас две ситуации – до проведения тиража и после. И ситуация «после» отличается тем, что у нас есть некоторая «дополнительная информация». То, что заставляет нас принимать общий скептический вывод, – это представление о том, что по каким-то причинам эта «дополнительная информация» не принимается. Но почему? В первом случае с нами говорит математика, вероятность благоприятного исхода крайне мала. Однако с точки зрения именно эпистемического обоснования релевантным в данном случае является именно второй случай (у нас есть эмпирические данные). Здесь две модальности, «математическая» в первом случае предписывает не обращать внимание на второй случай, но нужна нам не она, – нам нужна «эпистемическая» модальность, – которая и отвечает исходному поставленному вопросу. Понимание того, что во многих случаях некоторая предписываемая модальность совсем не релевантна поставленному вопросу, в частности, является значимой частью рефлексивной позиции по отношению к логике рассуждения доминирующей парадигмы. Например, Дж. Лэдимен называет «неосхоластикой» любые попытки получить значимые философские выводы на основании анализа исключительно логической возможности. В частности, «зомби» Д. Чалмерса, «Мэри» Ф. Джексона, «китайская комната» Дж. Серля и т.д. – не могут считаться продуктивными основаниями развития метафизической теории (См.: Ladyman J. et al. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford University Press, 2007). В скептической постановке аргумент «Мозг в баке» апеллирует не к необходимости законов восприятия, а к необходимости логики, которая заставляет нас рассматривать обе ситуации («я – мозг в баке» и «я читаю книгу») как равноправные. С условной «эмпирической» точки зрения (апеллируя к тем самым законам восприятия!), у нас гораздо больше оснований выбрать «я читаю книгу» (о чем, например, и будет говорить соответствующее прочтение «аргумента Мура», см.: [Steup, 1996, p. 209–210]). Точно так же, говоря о том, что научная гипотеза контингентна (например, абдуктивное заключение «сегодня трава мокрая, значит вчера шел дождь»), под «контингентностью» понимается метафизический термин, обозначающий «актуальную реализуемость». Мы не знаем, каким будет следующее эмпирическое данное (например, которое сможет опровергнуть нашу исходную гипотезу «вчера шел дождь» в пользу более экзотической «дворник полил газон», при условии, конечно, что у нас есть эта альтернативная гипотеза), потому что метафизически (с нашей точки зрения; и это представление

(с. 56). Таким образом, вопрос о том, чем заменить посылку (3) аргумента против существования базовых эмпирических убеждений, даже не стоит.

Четвертая глава представляет собой экскурс в достаточно известный и широко обсуждавшийся в прошлом проект, который, как многие думали, способен стать основанием фаундализма. С точки зрения Л. Бонжура рассуждения фаундалистов сопряжены с дилеммой «базовые эмпирические убеждения должны быть обоснованы, и это обоснование не должно предполагать регресс, и одновременно быть базовыми» (с. 58). В экстерналистской трактовке обоснования, которую Л. Бонжур обсуждает в третьей главе, этой проблемы нет: условия обоснования и не должны быть «когнитивно схватываемыми» субъектом. Однако и цена высока. Получается, что тем самым в экстернализме мы отрицаем возможность субъекту «по-настоящему» обладать основаниями принятия данного убеждения как базового, равно как и обоснованием убеждения как базового, а также обоснованием всех других убеждений, которые связаны с данным базовым условием обоснования. В этом смысле Л. Бонжур прав, говоря что «экстернализм скатывается (collapses) к скептицизму». Далее он пишет: «Экстернализм, как мы его видим, является относительно молодой интеллектуальной позицией, лишь недавно сформировавшейся и все еще находящейся в процессе становления. Предмет этой главы – понятие когнитивно данного (given), играло ключевую роль в эпистемологии еще со времен Декарта. И на протяжении всего этого периода оно было единственным основанием для обоснования базовых убеждений в фаундализме. И возможно, именно критика “мифа о данном” и привела к сомнениям в фаундализме и поиску альтернатив» (с. 59). Если вы читали «Эмпиризм и философию сознания» Уилфрида Селларса (изначально это три лекции на тему «Миф о данном»,

не есть релятивизм, – появление новых фундаментальных законов физики не релятивизирует познание, а указывает на область применимости старых теорий) оно еще не реализовано (здесь мы апеллируем к разному метафизическому статусу актуального и потенциально возможного), и говорить «абдуктивная гипотеза – вероятностная» в общем случае не правильно, так как с метафизической точки зрения все состояния вероятностной системы изначально должны обладать одинаковым метафизическим статусом (иначе мы не сможем адекватно задать вероятность на множестве пространства исходов). Здесь мы говорим об онтологии, и вполне возможно, например, что часть этих «проблем» можно просто разрешить выбором подходящей онтологии времени. Но общее правило (в явном виде эту формулировку можно встретить, например, у С. Коэна, см.: Cohen S. Knowledge and Context // Journal of Philosophy. 1986. Vol. 83. No. 10. P. 574–583) заключается в том, что, как правило, именно для того чтобы звучать более убедительно, в разных контекстах скептик меняет значение «знать». Фиксация различий между «контекстами» в терминах модальности – это лишь один из вариантов понять разницу между ситуациями. Возвратимся к Агате. Знание – это эпистемический статус, который приписывается только убеждению, которое отвечает «объективному положению дел», но приписывает эпистемические статусы именно субъект и именно на основании имеющихся сейчас «данных». И сам этот факт, сама «онтология» приписывания эпистемического статуса на основании «данных» не дает никаких оснований считать, что приписывание эпистемического статуса – это предмет, скажем, теории вероятности или теории. А значит, даже зная вероятность исхода испытания до того, как само испытание произошло, Агата не знает, – что бы ей ни говорила «математика» (здесь условная «математическая» модальность противопоставляется условной же «эпистемической»). С другой стороны, уже в других терминах, но все еще в поле именно эпистемологии проблема может быть в том, что мы путаем «обоснование» (justification) и «гарантированность» (warrant), т.е. приведение аргументов в пользу истинности p и приведение аргументов в пользу того, что p – знание. Ряд исследователей (А. Голдман, Дж. Поллок, Дж. Кванви, Я. Хинтиikka и др.) подчеркивают, что именно акцент на этом разделении обоснования и гарантированности и есть основной результат всей дискуссии «вокруг Гетье».

прочитанные им в лондонском университете в 1956 году, см., например: Sellars W. *Empiricism and the Philosophy of Mind* // H. Feigl, M. Scriven (eds.) *The Foundations of Science and the Concepts of Psychology and Psychoanalysis / Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Volume 1.* University of Minnesota Press, 1956. P. 253–329), то вы понимаете, о чем идет речь. Незадолго до Л. Бонжура, например, А. Айер и К. Льюис полагали, что восприятие данного (*apprehension of the given*) – это хорошее основание для эмпирического знания. Убеждения, выражающие данное, несомненны (именно в смысле классического «знание требует несомненности истинности») и невыводимы, – это явные кандидаты на базовые убеждения. «Учитывая влияние, которое доктрина данного оказала на философию, ее критику не так-то просто и выстроить. Точно так же как в случае с фаундализмом, в основном критика нацелена на конкретные концепции данного, оставляя неясным, можно ли ее обобщить против самой идеи данного как таковой. Цель этой главы – ответить на этот вопрос, во-первых, сформулировав общую идею эмпирически данного, и, во-вторых, выдвинув против нее одно решающее возражение. Здесь я рассматриваю данное как ответ на проблему регресса, в частности, в контексте антифаундалистского аргумента, сформулированного выше. В этом контексте основной тезис доктрины данного заключается в том, что базовые эмпирические убеждения обоснованы не потому, что связаны с другими убеждениями или внешними фактами, но посредством состояний “непосредственного (*immediate*) опыта”, “прямого (*direct*) восприятия” или “интуиции” – состояний, которые предположительно могут обеспечивать обоснование убеждений и которые не требуют обоснования сами. Таким образом, появляется возможность отбросить посылку (4) (принять вместе с обоснованием соответствующие посылки, из которых следует, что базовое убеждение скорее всего истинно. – Н. Г.) приведенного выше аргумента» (с. 59). После этого Л. Бонжур достаточно подробно рассматривает три различных варианта концепций эмпирически данного, – «протокольные предложения» М. Шлика, «интуицию эмпирического» Э. Куинтона и «феноменологическое восприятие» К. Льюиса, – ни одна из них не годится: «Во всех случаях восприятие данного будет способно оказать (*confer*) эпистемическую поддержку знанию, только если само знание будет сконструировано соответствующим образом так, чтобы эта поддержка была необходима» (с. 72)¹⁸. Однако остается еще

¹⁸ К сожалению, у нас нет возможности рассмотреть здесь все тонкости критики Л. Бонжуром концепции «данного», но мы должны отметить, что целый ряд сопутствующих рассуждений будет использован им впоследствии. В частности, особое место во второй части книги (посвященной построению собственной когерентистской модели обоснования) займет рецепция Л. Бонжуром той логики аргументации против «мифа о данном», которой придерживается У. Селларс. Подобные рассуждения будут играть большую роль в интерпретации ключевых элементов концепции Л. Бонжура – «доксастического допущения» (непосредственное когнитивное схватывание субъектом своей системы убеждений) и «мета-обоснования» (априорный характер обоснования правил обоснования убеждений внутри системы). И поскольку здесь предмет нашего исследования – критика фаундализма, мы ограничимся примером, который показывает, как Л. Бонжур реконструирует основной (для данного контекста) тезис «доктрины данного». «Базовые убеждения обоснованы обращением к непосредственному опыту самого факта, или положения дел, или ситуации, о котором говорит убеждение. Именно потому, что я непосредственно воспринимаю факт, который делает убеждение истинным, я полностью обоснован в принятии этого убеждения, этот факт есть данное. Тем самым, непосредственный опыт останавливает регресс, делая возможным прямое (*direct*) сравнение между убеждением и его предметом. Апелляция к объективному миру, к релевантному факту делает не нужным обращение к другим

одна возможность, которая, по мнению Л. Бонжура, требует анализа. Остается рассмотреть предположение, что существуют убеждения (или когнитивные состояния) специального вида, которые обоснованы *априорно*, – и в этом смысле они могут претендовать на роль базовых убеждений при обосновании эмпирического знания. Отметим, что этот пример заслуживает внимания не только потому, что непосредственно затрагивает посылку (5) аргумента «против существования базовых эмпирических убеждений» (с. 32), но и потому, что здесь Л. Бонжур пред-

убеждениям. И в качестве бонуса, здесь дается ответ на вопрос о том, как именно система убеждений получает дополнительную информацию, пополняет свое эмпирическое содержание в результате контакта с неконцептуализированной реальностью, – ответа на который явно не хватает в различных когерентистских концепциях» (с. 59–60). Последнее, это не просто замечание вскользь. Для Л. Бонжура объяснение необходимости пополнения (input) эмпирического содержания системы убеждений – это одна из трех ключевых проблем когерентизма, решению которой он посвятит достаточно много времени, это важная составляющая часть его концепции. И он продолжает: «Однако все не так просто. В отличие от экстернализма здесь не говорится о том, что простого существования соответствующего положения дел достаточно для обоснования. Наоборот, объективное положение дел должно восприниматься (experienced or apprehended) субъектом специальным образом, и именно это восприятие, а не само положение дел, является источником обоснования. Обычно природа этого восприятия описывается терминами “непосредственный”, “прямой”, “интуитивный” и т.д. И основная идея здесь – противостояние (confrontation): непосредственный опыт сознания прямо противопоставит его предмету без вмешательства каких-либо посредников. Ключевая метафора – видение (vision), именно как оно понимается на уровне здравого смысла, – сознание обладает внутренним взором, непосредственно воспринимаемый объект находится прямо перед ментальным взором, полностью открытый его взгляду. Ниже мы будем рассматривать представление, которое *не включает*, во-первых, что восприятие данного является безошибочным (infallible) или несомненным (certain) и, во вторых, что только индивидуальные ментальные или сенсорные состояния могут быть данным» (с. 60). Последнее важно. Л. Бонжур рассматривает «миф о данном» только в приложении к фаундализму, для которого эти два тезиса (безошибочность непосредственного восприятия и всеобщий, универсальный характер этого восприятия) как будто бы не важны (достаточно того, чтобы базовые убеждения были обоснованы без апелляции к другим убеждениям). Однако, если мы ограничим себя в данном случае только этим достаточным условием обоснования базовых убеждений, будет ли вывод, полученный Л. Бонжуром, достаточно общим? Возможно, все дело в том, как именно нам следует понимать «прямое противостояние» внешней реальности и «ментального взгляда». Вместо того чтобы рассуждать о «безошибочности» и «всеобщности», мы можем воспользоваться точкой зрения Алана Голдмана: «Понятие “данности” (the given) обозначает непосредственное восприятие содержания опыта. Непосредственность понимается как с точки зрения представления о причинности, – нет причинно-следственной связи, описывающей восприятие, например, некоторых эмпирических характеристик физических объектов, так и с точки зрения эпистемологии, – суждения, выражающие данность, обоснованы независимо от всех других убеждений и других данных. Ряд авторов понимает восприятие данного (apprehension of the given) абсолютно несомненным, если данное открывается субъекту, то он сразу его знает. “Прямое противостояние” между базовым убеждением и его предметом должно быть таково, что мы *должны исключить* (rule out) возможности того, что (а) вещь может отличаться от того, как она воспринимается, (б) мы можем допустить концептуальную ошибку, например, договариваясь о значении терминов, составляющих соответствующую пропозицию, (в) мы можем допустить ошибку, классифицируя содержание убеждений, приводя их в соответствие с доступной типологией убеждений» [Goldman, 2010, p. 398]. В этом смысле, скорее всего, можно говорить о том, что полученные выводы Л. Бонжура будут справедливы не только для «слабых» (базовые убеждения не обладают статусом достаточным для того, чтобы считаться знанием), но и для «умеренных» (степень обоснованности базовых убеждений достаточна для того, чтобы соответствовать условиям обоснования для знания) версий фаундализма. См. примечание 9 выше. Более того, содержательно этот момент (в), отмеченный А. Голдманом, исключаящий ошибку классификации содержания убеждений в соответствии с доступной типологией, будет важной составляющей концепции «когнитивно спонтанных убеждений», как основного элемента концепции эмпирического наблюдения Л. Бонжура (см. гл. 6).

ставит логику аргументации, на которую, в том числе, он будет опираться, рассматривая априорный характер мета-обоснования (см. гл. 8).

Как отмечает Л. Бонжур: «Это представление не является одним из вариантов доктрины данного, не связано с фундализмом напрямую, но и те и другие периодически к нему прибегают, – тот факт, что базовые убеждения обоснованы, полагается *априорной* истиной, а значит, регресс эмпирического обоснования на них остановится» (с. 79). Примечательно то, что Л. Бонжур подчеркивает, что ему *не известны* философы, которые бы полностью эксплицировали эту точку зрения, и что есть лишь несколько концепций, которые «вполне естественно (*fairly naturally*) приводят к такой интерпретации. Ниже мы оттолкнемся от позиции, предложенной Фертом, но не озвученной им. И хотя эта позиция не обращается к априори явно, ее легко и естественно направить в этом направлении» (Там же). Родерик Ферт вводит понятие «характеристики, увеличивающей гарантированность» (*warrant-increasing property*), – убеждение, обладающее этой характеристикой, в каком-то смысле более обоснованно (для данного субъекта в данное время), чем убеждение, которое этой характеристикой не обладает (см.: [Firth, 1964]). Л. Бонжур пишет: «Если наличие такой характеристики предоставляет (*confer*) убеждению *эпистемическую* обоснованность, то эта характеристика *должна* каким-то образом содержать основания того, что данное убеждение с большой вероятностью истинно. И если мы не принимаем экстернализм, то обладание такой характеристикой для убеждения означает, что субъект также должен обладать когнитивным доступом к этим основаниям. Проблема в том, что все эти характеристики будут выводными. Как отмечает Ферт: “*P* является характеристикой, увеличивающей гарантированность для утверждения (*statement*) *S*, только если утверждения относительно *S*, обладающим *P*, например: <Если *S* обладает *P*, то *S* истинно>, будет должным образом (*validly*) выводиться из других соответствующих убеждений. Например, пусть под *P* понимается характеристика, что такие-то и такие-то ученые (*scholars*) принимают *S*” (с. 550). (Ферт оперирует утверждениями, но все это легко можно изложить в терминах убеждений). Очевидно, здесь статус *P* будет зависеть от наличия выводного обоснования утверждения, что “такие-то и такие-то ученые с большой вероятностью правы, когда принимают такие-то утверждения”. И Ферт не замечает еще одну возможность: если данное *B*, обладая такой *P*, будет обоснованно для субъекта (и если мы не принимаем экстернализм), тогда он должен быть убежден с обоснованием, что *B* фактически обладает *P*, т.е. в том, что ученые действительно принимают *S*. И это дополнительное убеждение также предположительно обосновано инференциально. В этом смысле когерентистская теория эмпирического знания должна предполагать, что *все* характеристики, увеличивающие гарантированность, должны быть выводимыми, а фундализм должен предполагать, что существует по крайней мере одна такая характеристика, которая невыводима. Это то, что Ферт называет “эпистемическим приоритетом”: “Некоторые убеждения имеют степень гарантированности независимо от гарантированности, которую они получают (*derive*) от других убеждений” (с. 553). Именно обладание невыводимой характеристикой, увеличивающей гарантированность, и делает убеждение базовым. Какие характеристики могут обладать таким статусом? Ферт говорит, что такие убеждения “должны

(1) схватывать содержание моего опыта в настоящий момент и (2) быть приняты мной» (с. 554). Но как именно обладание такой характеристикой предоставляет (confer) обоснование соответствующему убеждению? Должны быть выполнены два условия: (а) субъект должен быть убежден с обоснованием, что такое *B* действительно с большой вероятностью истинно. И именно это убеждение должно быть обосновано априорно. (б) субъект должен быть убежден с обоснованием, что *B* действительно обладает *P*. И каким бы ни было обоснование первого условия, очевидно, что второе условие несомненно (undeniable) является эмпирическим условием, требующим эмпирического обоснования, в частности того, что субъект принимает *B*. А значит, характеристика *P* не является невы выводимой» (цит. по [Firth, 1964]. – Н. Г.) (с. 80–81). Отметим, условия (а) и (б) здесь повторяют стандартный для Л. Бонжура способ анализа значимых характеристик убеждения (анализ «характеристики, которая отличает базовые эмпирические убеждения от других» см. на с. 31; примечание 13 выше). Соответствующее сопоставление того, что хочет сказать Л. Бонжур, и рассуждений Р. Ферта достигается за счет того, что посылка (б) интерпретируется в терминах условий (1) и (2), – обладание характеристикой понимается как «схватывание содержания моего опыта в настоящий момент», которое должно быть «мною принято». Очевидно, сама оригинальная идея о том, что «убеждения, обосновываемые априорно, могут играть роль базовых», с точки зрения Л. Бонжура, так и не нашла хорошей реализации¹⁹.

¹⁹ Тем не менее Л. Бонжур попытался представить возможный ответ фаундалистов на приведенный аргумент. «Предполагаемая эмпирическая посылка (б) на самом деле есть не что иное, как утверждение, что “я – субъект в настоящий момент принимаю *B*”. И поднимать вопрос о том, как обосновано это утверждение, немного странно. Если я задаюсь вопросом, обоснован ли я в обладании (hold) данным убеждением, то сам факт постановки этого вопроса уже предполагает, что я им обладаю. Исходная точка любого эпистемического анализа – это предположение, что субъект уже обладает (has) убеждением. Обычно нас интересует вопрос, обосновано ли убеждение, которым предположительно обладает субъект, – само существование анализируемого убеждения принимается как должное. (Естественно, мы можем задаться вопросом, обоснован ли я в принятии убеждения, которым я в настоящий момент не обладаю, но на самом деле это будет вопрос о гипотетической ситуации, в которой я обладаю убеждением). И собственно ответ фаундалистов может заключаться в том, что это предположение, – что я действительно обладаю анализируемым убеждением, – несмотря на то что оно конечно же является эмпирическим по содержанию, в то же время может использоваться как посылка, не требующая обоснования» (с. 81). Это важный момент. Один из ключевых элементов концепции когерентистского обоснования Л. Бонжура – «доксастическое допущение» (что «субъект способен когнитивно схватить свою собственную систему убеждений»), которое также не требует обоснования. И вполне возможно, что сама идея «допущения» была почерпнута автором именно в ходе анализа предполагаемой аргументации фаундалистов в пользу того, что «убеждения, обосновываемые априорно, могут играть роль базовых». В конце концов, как отмечает У. Алстон, «вопрос о том, что эпистемизирует убеждение, возникает только после того, как убеждение сформировано (formed). Этот вопрос предполагает существование убеждения, а также необходимые условия этого существования. Эпистемизируемо ли убеждение и если да, то посредством чего, – это другой вопрос» [Alston, 1983, p. 79]. По аналогии с тем, как он анализирует базовые эмпирические убеждения во второй главе, Л. Бонжур пишет: «Аргумент фаундалистов будет предполагать, что базовые убеждения будут обладать дополнительной характеристикой ϕ , обозначенной выше, и для них должны быть выполнены два условия: (а) *B* обладает характеристикой ϕ и (б) убеждения, обладающие ϕ , с большой вероятностью истинны. И в данном случае мы будем предполагать, что (б) обосновано априорно, а (а) опирается на две дополнительные посылки: (а₁) *B* схватывает содержание моего опыта в настоящий момент и (а₂) *B* принимается мною сейчас. Тогда посылка (а₂) будет обоснована приведенными выше соображениями о том, что вопрос об обосновании *B* предполагает то, что субъект уже обладает *B* (она обоснована посредством приведенного аналога «доксастического допущения». – Н. Г.). Что касается обоснования посыл-

* * *

Заканчивая первую часть книги, Л. Бонжур напишет: «Несмотря на привлекательность фаундализма, эта стратегия не добилась успеха. Не существует способа, которым базовые эмпирические убеждения были бы обоснованы без того,

ки (а₁) отметим, что эта посылка есть не что иное, как утверждение о содержании *B*, и точно так же будет априорно обоснована, как и посылка (а₂). Таким образом, в этом случае обоснование *B* не требует дополнительного эмпирического обоснования, а значит тут нет регресса. Конечно, это не совсем та версия фаундализма, которую, возможно, хотели бы видеть сами фаундалисты, поскольку она опирается на приведенное выше допущение. Но это хорошая аппроксимация, и честно говоря, не верится, что какая-то лучшая версия фаундализма вообще может быть доступна» (с. 82). Отметим, что судя по всему, в данном случае речь идет именно об «умеренной» версии фаундализма, поскольку аналогичные рассуждения для «слабой» версии фаундализма наверняка потребовали бы дополнительных соображений (еще одной посылки) о том, в каком смысле статус базовых убеждений отвечал бы знанию. И остается вопрос о том, насколько вообще состоятельна такая версия фаундализма. «Поскольку обоснование посылки (а) опирается на приведенное выше допущение, остается только задаться вопросом: а правда ли, что посылка (б) на самом деле обоснована априорно? Я полагаю, что нет. Сразу оговоримся, мы рассуждаем о том, является ли обоснование этой посылки априорным, а не о том, являются ли истинными убеждения, обладающие характеристикой ϕ . И независимо от того, обоснована ли (б) априорно, соответствующая пропозиция точно не является аналитической. Мы можем сконструировать аналитическую интерпретацию предложения «убеждения, обладающие ϕ , с большой вероятностью истинны», например, переопределив «мой опыт в настоящий момент» как «те состояния моего сознания, относительно которых принятые мной убеждения с большой вероятностью истинны». Однако такой ход рассуждений не будет продуктивным, – непонятно, что именно обосновывает «мой опыт в настоящий момент», у нас нет об этом никакой независимой информации, на которую мы могли бы опереться. Все, что можно сказать, так это то, что у меня есть убеждение, обладающее содержанием определенного вида (sort). У меня есть убеждение о моих собственных убеждениях, ощущениях, желаниях, эмоциях и т.д. И сюда еще нужно добавить посылку о том, что принятые убеждения данного вида с большой вероятностью истинны. При том, что «мой опыт в настоящий момент» будет служить аналогом общей (summary) фразы, схватывающей все многообразие состояний сознания. И тогда, поскольку значение «мой опыт в настоящий момент» нельзя определить ни в терминах перечисления этих состояний, ни в терминах вероятной истинности этих состояний, то посылка (б) будет синтетической, т.е. априорной синтетической. И хотя я не отрицаю, что существуют пропозиции, обладающие таким статусом, посылка (б) не кажется (seem) мне подходящим кандидатом» (с. 82–83). А что будет, если попытаться проинтерпретировать посылку (б) в терминах «доктрины данного»? Предположим, что «принятые убеждения относительно моего опыта в настоящий момент с большой вероятностью истинны», потому что соответствующие состояния будут «восприниматься непосредственно, прямо открываясь ментальному взору», – и это синтетический априорный факт, который и фиксирует посылка (б). Проблема будет в том, что Л. Бонжур уже показал, что «доктрина данного» не работает; и кроме того, следуя Л. Бонжуру, вопрос о том, «могут ли играть роль базовых убеждения, обосновываемые априорно», рассматривается как независимый, а не как сопутствующий «доктрине данного». «Мой тезис заключается в том, что у нас нет достаточно хороших оснований для того, чтобы полагать посылку (б) обоснованной априорно. Принять убеждения относительно моего собственного опыта как истинные легко, потому что они непосредственно открыты взору моего ментального глаза, но не стоит путать очевидность (obviousness) и априорность. Традиционное понимание априорного знания предполагает, что соответствующая пропозиция будет необходимой, будет истинной во всех возможных мирах, но фактически мы не сможем показать необходимость (б). Как и в случае с безошибочными (infallible) базовыми эмпирическими убеждениями (см. параграф 2.2; примечание 9 выше. – Н. Г.), переживание опыта – это одно, но убеждение, что я переживаю опыт, – это другое. В силу чего тот факт, что у меня есть какое-то убеждение, должен быть метафизически необходимым и фиксировать соответствующее положение дел? Легко представить существ, которые во всем подобны нам, кроме того, что их убеждения о переживаемом ими же опыте ошибочны. Они не обладают знанием о мире, в котором живут, но это не значит, что они не могут иметь истинных убеждений и не могут быть успешными. Я полагаю, что посылка (б) является эмпирической. И если это так, то эта версия фаундализма

чтобы их обоснование не зависело бы от других эмпирических убеждений, которые, в свою очередь, сами требуют обоснования. Фаундализм – это тупик» (с. 84). Важный момент заключается в том, что мы обсуждаем здесь обоснование именно *эмпирического знания*. А это значит, что мы автоматически будем полагать источником знания – ощущения. При этом данные органов чувств не обязаны быть единственным источником знания, однако их исключительный характер в данном случае очевиден. Они обладают необходимой степенью независимости и отвечают, на наш взгляд, самой простой интуитивной схеме, объясняющей достоверность знания тем, что ощущения отражают реальность. Сама идея «эмпирического знания», в первую очередь, – это идея перцептуального знания. В этом смысле легко согласиться с Дж. Поллоком и Дж. Крузом в том, что «простейшая мотивация в пользу фаундализма – это наблюдение, что у нас есть разные способы восприятия мира и наше знание сводится к ним. Для фаундалиста это означает, что наше восприятие обеспечивает нас тем, что потом будет определяться как эпистемологически базовые убеждения. Наши убеждения формируют пирамиду, в которой базовые убеждения, продиктованные восприятием, образуют основание, а все другие убеждения получают обоснованные, будучи подкрепленными основаниями (reasonings), которые в конечном итоге возвращают нас к базовым убеждениям» [Pollock, Cruz, 1999, p. 29]. И тут важно не пропустить несколько существенных оговорок. Да, ключевой момент доктрины – понятие «базового убеждения», т.е. убеждения, которое обосновывается не инференциально, не получает обоснование от других убеждений. Но это не все. Как отмечает М. Уильямс: «Обоснование начинается с базовых убеждений и “восходит” от них. Однако фаундализм – это нечто большее, чем просто структурно-дескриптивное описание повседневного понимания знания. Если мы согласны с тем, что есть вещи, которые мы “просто знаем”, то почему каждый из нас не может быть фаундалистом? Потому что фаундализм предполагает *большое число* теоретических допущений» [Williams, 2005, p. 203]. Фаундализм – это концепция относительно *и структуры, и источников* эпистемического обоснования.

Исторически фаундалисты, такие как Б. Рассел, Р. Карнап, К. Льюис, Р. Чизолм или А. Айер, разделяли достаточно специфические взгляды на *природу* базовых убеждений. Когда они говорят, что «восприятие является источником не инференциального обоснования», они не имеют в виду восприятие в обыденном смысле. То, что они подразумевали под «восприятием», было гораздо ближе к тому, что мы сейчас понимаем под «интроспекцией», или к тому, что Дж. Локк называл «внутренним восприятием». Они полагали, что *только* убеждения от-

оказалась такой же несостоятельной, как и другие. Конечно, приведенные рассуждения куда менее убедительны, чем аргументы против экстернализма или доктрины данного. Я согласен с тем, что соответствующие основания в пользу точки зрения, апеллирующей к априорному обоснованию базовых убеждений, так и не были приведены, а не с тем, что подобная точка зрения невозможна в принципе» (с. 83–84). Примечательно то, что, судя по всему, позицию Л. Бонжура в данном случае можно свести к указанию на необходимость обращать внимание на разницу между обоснованием (приведением аргументов в пользу истинности убеждения) и гарантированностью (приведением аргументов в пользу того, что данное убеждение есть знание). И очевидно, что в рамках нарисованного Л. Бонжуром представления о том, как может выглядеть фаундалистская (по духу) позиция, опирающаяся на то, что «базовые убеждения могут быть обоснованы априорно», это деление проследить нельзя.

носителем психологической реальности могут быть обоснованы не инференциально. Обоснование обыденных убеждений о «внешнем» окружающем мире, тем самым должно было зависеть от убеждений «относительно состояний собственного сознания». Обоснование предполагаемых базовых убеждений описывалось апофатически, – они не получают обоснования от других убеждений. При этом мы в состоянии обоснованно рассуждать о собственных психологических состояниях в силу того, что мы «наблюдаем», – мы надлежащим образом «соотносимся» с соответствующими выделенными когнитивными состояниями, – и на этом основании мы и формируем базовые убеждения. «Наблюдение» здесь не является формой вывода (!). Следуя М. Уильямсу, к середине XX века исходная установка фаундализма выглядела следующим образом: «(1) Традиционный фаундализм носит содержательный (substantive), а не формальный характер. Различие между базовыми и не базовыми убеждениями является онтологическим, а не методологическим. Класс базовых убеждений теоретически разрешим (tracktable). В частности, определяемые различными аспектами своего содержания, существуют нетривиальные типы убеждений, способные играть роль конечных точек в соответствующих содержательных цепочках обоснования. (2) Базовые убеждения не могут быть ошибочными (infallible), их нельзя рационально пересмотреть (indefeasible) или корректировать (incorrigible), в них нельзя сомневаться (indubitable), – они всегда знание. (3) Традиционный фаундализм предполагает атомизм. Базовые убеждения – это конечные точки цепочек обоснования, они и эпистемически, и семантически не зависят от других убеждений. Они представляют собой инкапсулированные (encapsulated) элементы знания. (4) Традиционный фаундализм – это радикальный интернализм. Факторы обоснования принципиально открыты для осознания (awareness). Когда я знаю, что *P*, я всегда нахожусь в позиции (термин Э. Соса. – Н. Г.) знать, что я знаю, что *P*, и, возможно, что я всегда знаю, что я знаю, что *P*» [Williams, 2005, p. 204]. Естественно, когда мы сейчас говорим об обосновании эмпирического знания, с подобным строгим «позитивистским» прочтением фаундализма сложно согласиться. В частности, достаточно трудно будет проинтерпретировать требования «безошибочности» и «несомненности» базовых убеждений (см. примечание 9 выше). Поэтому неудивительно, что со временем возникает и обретает популярность условная «дефляционистская» трактовка фаундализма: «Для любой формы фаундализма ключевым (core) является утверждение, что существуют только две формы обоснования: инференциальное и не инференциальное» [Dancy, 1985, p. 56]. Вместо того чтобы рассуждать о природе базовых убеждений, можно сосредоточиться на том, как убеждения «сообщают» обоснование другим убеждениям, на том, как «наследуются» и «меняются при передаче» эпистемические статусы.

На наш взгляд, критика Л. Бонжура исторически отвечает именно этому, более позднему этапу содержательной трактовки фаундализма. Именно здесь особенно важно то, что «обоснование убеждений не может опираться на необоснованные убеждения». Именно здесь важно то, что мы понимаем «вывод» как «механизм», как форму эпистемического обоснования. Важно то, как мы понимаем условия, при которых тот факт, что данные убеждения находятся в определенных инференциальных отношениях друг с другом, может означать «перенос»

обоснования. Именно здесь особую значимость играет преодоление проблемы регресса как проблемы вывода, а не как проблемы существования базовых убеждений. В определенном смысле здесь мы даже можем переопределить фаундализм как концепцию относительно структуры эпистемического обоснования, которая позволяет *адекватно ответить* на проблему регресса. И примечательно то, что именно этот момент – авторская интерпретация вывода в соответствующей системе убеждений – и является предметом особого интереса Л. Бонжура. Важно не то, что Л. Бонжур показал, что экстерналистская интерпретация фаундализма обречена, а то, какие выводы он сделал относительно того, как должна после этого выглядеть адекватная, с его точки зрения, с учетом выбранных им «онтологических допущений», модель инференциального обоснования. В этом смысле посылка (5) «аргумента против существования базовых эмпирических убеждений» может пониматься не непосредственно, как утверждение, что «по крайней мере одна из посылок является эмпирическим убеждением», а как утверждение, что «по крайней мере одна из посылок обоснована инференциально». Не случайно «аргументы», которые Л. Бонжур выдвигает против экстернализма (для Л. Бонжура «экстернализм» – это вариант концепции, которая отрицает посылку (3) о том, что «обоснование требует от субъекта находиться в состоянии когнитивного обладания соответствующими основаниями», – концепции, которая к тому времени уже представлена в работах Д. Армстронга и А. Голдмана) в третьей главе, представляют собой лишь несколько интуитивных контрпримеров, показывающих то, что соответствующие убеждения не будут обоснованными, даже в том случае, когда собственно экстерналистские условия обоснования выполнены. Именно поэтому выбор интернализма будет не просто «еще одним» онтологическим допущением, а продиктован тем, что «здесь субъект в принципе может предложить обоснование, которое способно разделить обоснованное убеждение и случайную (lucky) догадку» (с. 43). В четвертой главе Л. Бонжур обращается к концепциям, которые аналогичным образом отрицают основания посылки (4) «единственный способ находиться в состоянии когнитивного обладания соответствующими основаниями – это принять *вместе с обоснованием* соответствующие посылки, которые обосновывают убеждение». И совсем не удивительно, что вывод, к которому приходит Л. Бонжур, заключается в том, что либо «данное» является непропозициональным, и в этом случае оно не способно «передать обоснование», либо оно «является обосновывающим (justificatory), но в этом случае оно должно быть пропозициональным, и тем самым оказывается еще одним эмпирическим убеждением, требующим обоснования» (с. 69). Наконец, уже в пятой главе Л. Бонжур отметит, что «основной проблемой большинства концепций эмпирического обоснования является допущение, что инференциальное обоснование полагается *линейным*, т.е. представляется как одномерная последовательность убеждений, упорядоченных в соответствии с отношением эпистемического приоритета» (с. 90). И именно ревизия этого «линейного характера инференциального обоснования» и должна привести Л. Бонжура к более адекватной концепции обоснования. Все это говорит о том, что «когерентистская концепция обоснования эмпирического знания» – это не просто «логичный выбор», который мы сделаем, видя проблемы фаундализма. На самом деле, и поскольку мы говорим именно об эмпирическом

знании, когерентизм Л. Бонжура – это следующий этап развития дефляционной трактовки фаундализма, с учетом надлежащим образом подобранных структуры и источников эпистемического обоснования.

Список литературы

- Головко Н. В.** Чего нет в известной статье Эдмунда Гетье // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 1. С. 105–126.
- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. I. Скептический аргумент // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2007. Т. 5. № 1. С. 8–13.
- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы в пользу научного реализма // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2006. Т. 4. № 2. С. 51–57.
- Alston W.** What's Wrong with Immediate Knowledge? // *Synthese*. 1983. No. 55. P. 73–95.
- Alston W.** An Internalist Externalism // *Synthese*. 1988. No. 74. P. 265–283.
- Armstrong D.** *Belief, Truth and Knowledge*. Cambridge University Press, 1973.
- Bonjour L.** Reply to Steup // *Philosophical Studies*. 1989. Vol. 55. P. 57–63.
- Bonjour L.** The Dialectic of Foundationalism and Coherentism // J. Greco, E. Sosa (Eds.) *The Blackwell Guide to Epistemology*. Malden, Mass.: Blackwell, 1999. P. 117–142.
- Dancy J.** *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Firth R.** Coherence, Certainty, and Epistemic Priority // *Journal of Philosophy*. 1964. Vol. 61. No. 19. P. 545–557.
- Goldman A.** A Causal Theory of Knowing // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64. P. 357–372.
- Goldman A.** The Given // J. Dancy, E. Sosa, M. Steup (Eds.) *A Companion to Epistemology*. Wiley-Blackwell, 2010. P. 397–400.
- Greco J.** *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*. Cambridge University Press, 2010.
- Haack S.** Theories of Knowledge: An Analytic Framework // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1983. Vol. 83. P. 143–157.
- Kant I.** *Critique of Pure Reason*. Transl. by W. Pluhar. Indianapolis, IN: Hackett Publishing, 1996.
- Kaplan M.** It's Not What You Know That Counts // *Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 92. P. 350–363.
- Klein P.** Human Knowledge and the Infinite Regress of Reasons // *Philosophical Perspectives*. 1999. Vol. 13. P. 297–325.
- Lewis C. I.** *An Analysis of Knowledge and Valuation*. La Sale, Ill.: Open Court, 1946.
- Pollock J., Cruz J.** *Contemporary Theories of Knowledge*. Rowman & Littlefield Publishers, 1999.
- Pritchard D.** Evidentialism, Internalism, Disjunctivism // T. Dougherty (Ed.) *Evidentialism and its Discontents*. Oxford University Press, 2011. P. 235–253.
- Pritchard D.** *Epistemology*. Palgrave Macmillan, 2016.

- Steup M.** *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall, 1996.
- Swain M.** *Bonjour's Coherence Theory of Justification* // J. Bender (Ed.) *The Current State of the Coherence Theory*. Dordrecht: Kluwer, 1989. P. 115–124.
- Williams M.** *Unnatural Doubts. Epistemological Realism and the Basis of Skepticism*. Oxford: Blackwell, 1991.
- Williams M.** *Doing without Immediate Justification* // M. Steup, E. Sosa (Eds.) *Contemporary Debates in Epistemology*. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 202–216.
- Williamson T.** *Knowledge and Its Limits*. Oxford University Press, 2000.

References

- Alston W.** *What's Wrong with Immediate Knowledge?* // *Synthese*. 1983. No. 55. P. 73–95.
- Alston W.** *An Internalist Externalism* // *Synthese*. 1988. No. 74. P. 265–283.
- Armstrong D.** *Belief, Truth and Knowledge*. Cambridge University Press, 1973.
- Bonjour L.** *Reply to Steup* // *Philosophical Studies*. 1989. Vol. 55. P. 57–63.
- Bonjour L.** *The Dialectic of Foundationalism and Coherentism* // J. Greco, E. Sosa (Eds.) *The Blackwell Guide to Epistemology*. Malden, Mass.: Blackwell, 1999. P. 117–142.
- Dancy J.** *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Firth R.** *Coherence, Certainty, and Epistemic Priority* // *Journal of Philosophy*. 1964. Vol. 61. No. 19. P. 545–557.
- Goldman A.** *A Causal Theory of Knowing* // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64. P. 357–372.
- Goldman A.** *The Given* // J. Dancy, E. Sosa, M. Steup (Eds.) *A Companion to Epistemology*. Wiley-Blackwell, 2010. P. 397–400.
- Golovko N. V.** *What is not mentioned in the famous article by Edmund Gettier* // *Siberian Journal of Philosophy*. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 105–126 (in Russian)
- Golovko N. V.** *Naturalization of Epistemology and Basic Arguments Against Scientific Realism. I. Skeptical Argument* // *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. 2007. T. 5. No. 1. P. 8–13. (in Russian)
- Golovko N. V.** *Naturalization of Epistemology and Basic Arguments For Scientific Realism* // *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. 2006. T. 4. No. 2. P. 51–57. (in Russian)
- Greco J.** *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*. Cambridge University Press, 2010.
- Haack S.** *Theories of Knowledge: An Analytic Framework* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1983. Vol. 83. P. 143–157.
- Kant I.** *Critique of Pure Reason*. Transl. by W. Pluhar. Indianapolis, IN: Hackett Publishing, 1996.
- Kaplan M.** *It's Not What You Know That Counts* // *Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 92. P. 350–363.
- Klein P.** *Human Knowledge and the Infinite Regress of Reasons* // *Philosophical Perspectives*. 1999. Vol. 13. P. 297–325.

- Lewis C. I.** An Analysis of Knowledge and Valuation. La Sale, Ill.: Open Court, 1946.
- Pollock J., Cruz J.** Contemporary Theories of Knowledge. Rowman & Littlefield Publishers, 1999.
- Pritchard D.** Evidentialism, Internalism, Disjunctivism // T. Dougherty (Ed.) Evidentialism and its Discontents. Oxford University Press, 2011. P. 235–253.
- Pritchard D.** Epistemology. Palgrave Macmillan, 2016.
- Steup M.** An Introduction to Contemporary Epistemology. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall, 1996.
- Swain M.** Bonjour's Coherence Theory of Justification // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 115–124.
- Williams M.** Unnatural Doubts. Epistemological Realism and the Basis of Skepticism. Oxford: Blackwell, 1991.
- Williams M.** Doing without Immediate Justification // M. Steup, E. Sosa (Eds.) Contemporary Debates in Epistemology. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 202–216.
- Williamson T.** Knowledge and Its Limits. Oxford University Press, 2000.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент
Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки,
Новосибирский государственный университет;
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Nikita Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy)
Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University;
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 30.11.2023;
одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 25.12.2023*
*The article was submitted 30.11.2023;
approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 25.12.2023*